

Угличский бунтарь

Кулагин Алексей Викторович

Углич

Историко-музыкальный музей «Угличские звоны»

1982-1986

1462-й год

За окном светило яркое солнце. Его лучи проскальзывали через узкие проёмы окон, пуская зайчиков на стены, пол и потолок княжских покоев.

Старый князь лежал, ожидая смертного часа. Вокруг его ложа толпились знахари, бояре, родственники и дворовая челядь. Василий Васильевич протянул вперёд руку и невидящими очами повёл поверх толпы:

- Кликните государыню княгиню Марью Ярославну.— Послышался его слабый голос.

Мария Ярославна подошла, склонилась над умирающим, поцеловав его руку. Трудно поверить теперь, что эта жилистая, обтянутая дряблой кожей ладонь, покрываемая жёлтыми трупными пятнами, всю жизнь сжимала рукоять тяжёлого меча, ласкала детей, а теперь...

- Марьюшка... Марьюшка... Вот и пожилы, пришёл час...

- Бог с тобой, княже, неужто помирать собрался. — Плача, причитала она. — Только жизнь хорошая пошла, а ты...

- Не надо, Марьюшка, куда мне более. И так на своём веку не мало сотворил... Пусть теперь чада живут,... а мне, слепцу, их хлеб не след есть... Где ж сыны мои. Идите ко мне!

К князю Василию Васильевичу подошли сыновья: Иван, Юрий, Андрей, Борис да младший Андрей.

- Чады мои, наказ даю последний. Слушайте и жизнью своею старайтесь выполнить его. Жить вместе вам суждено, а раздоры любые, усобицы ослабят всё, что мною завоевано в многострадальной борьбе. Что дано мною вам, на то нечего обиды держать... Живите в мире, а ежели какой спор и возникнет промеж вас, решайте полюбовно... Дьяки... Считите Духовную.

Обессиленный князь слушал чтение собственного завещания: «...Старейшему сыну Ивану на Москве княжить, Юрию — в Дмитрове, Можаете да Серпухове, Андрею Большому — в Угличе, Звенигороде да Бежицком Верхе, Борису — в Волоке Ламском, а Андрею Меньшому — в Вологде. Княгине Марье Ярославне Ростов даю и что к нему потягло...»

- Брату своему Ивану службу служите, коли потребует... Идите...

Князь Андрей склонил голову. Ему слова отца не по душе были. За что милостью осыпал он Ивана, а им, младшим, земли дал подчинённые. Ещё большую досаду разжигали в душе Андрея Васильевича разговоры, услышанные меж бояр, что де Тёмный-то Василий старшому боле дал, а он де, Иван-то, теперь всё к рукам приберёт. Крут Иван нравом.

- Я вижу печаль в твоих очах, сынок. — Княгиня Марья Ярославна, погладив сына тёплой ладонью по голове так ласково, прямо как в детстве. — Позволь утешить тебя. Дарение отца твоего для тебя будет дороже, ибо город сей во истину твой: там ты родился, тебе славу его приумножать, а он тебя любить будет во веки веков.

Только эти слова и успокоили князя Андрея, и запомнил их он на всю свою жизнь.

Паруса на горизонте

Бескрайние волжские просторы, широкие луга и дремучие леса — всё это и есть то необъятное богатство, которым славится великая Русь. Слыхом слыхивали про то многие чужеземцы, да, придя сюда, умом не могли постигнуть такую ширь и красоту.

Под стать земле Русской широта души людей её. Пожалуй, вряд ли сыщешь где человека, более любознательного, чем русский. И хочется ему заглянуть, а что там дальше, за

тем поворотом, за крутизной, за Волгой, за Русью. Порой, в кармане денег ни гроша, а упрямства хоть отбавляй!

Как-то раз, на ясной утренней зорьке, когда солнечные лучи зазолотили лёгкую волжскую волну, белоснежные паруса огромных купеческих лодий появились на горизонте, быстро приближаясь к Угличу.

- Какие-то гости идут! – Вошёл в княжьи покои дьяк. – Лодий много, да все не московские.

**Первая страница «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.
Памятник Афанасию Никитину. Историко-музыкальный музей
«Угличские звоны»**

- Давай одеяния праздничные, да поскорей! – Распорядился князь Андрей Васильевич. – И узнай, кто такие, откуда, а ежели что, приём делать будем!

Корабли уже подходили к кремлю, где в Каменном ручье, ближе к Никольскому мосту была устроена пристань. Паруса их, а теперь это стало отчётливо видно, украшали родовые знаки великого тверского князя Михаила Борисовича.

- Велите пальнуть из пищалей по разу с угловых башен, что на Волге! – Скомандовал Андрей.

Пока корабли заходили в устье ручья, угличский князь направился встречать гостей.

Лодьи причалили, и по сходням сошёл совсем ещё молодой русоволосый купец. Поклонился князю до земли и громко поприветствовал:

- Желаю здравствовать тебе, княже Андрей Василич! Дозволь поднести тебе дары наши, тверские. И ищё грамоту князя Михайлы Борисыча, кой самолично снаряжал струги сии в далёкое плаванье.

- Что ж проходи, рад встрече и вестям добрым! – Пригласил Андрей Васильевич, и они прошли через Никольские ворота в Кремль.

Во время трапезы прочёл Андрей грамоту тверского князя, переданную купцом. Звали гостя Афанасий Никитин, который вышел из Твери нынешним, 6975-м летом¹ и держит путь в дальние страны, за тёплые моря.

- Слыхивал я, будто в странах тех, богатства несметные и чудеса разные есть. – Восторженно объяснял Афанасий. – А особливо славится самая большая страна Индия. Вот и хочу я самолично всё это увидеть, а, Бог даст, и поторговать сподоблюсь. Товаришко кой-какой взял.

- А знаешь ли ты, купец, что беспокойно нынче на границах наших?

- На то оно наше дело купецкое – коль не рискнёшь, так и не быть навару!

- Молодец, Афанасий, нравишься ты мне! Да токмо в грамотке-то князя Михаила есть одна задумка, в коей мы с ним обоюдную корысть имеем.

Афанасий слушал, внимательно следя за каждым действием Андрея.

- Князь Михайло Борисыч просит меня подсобить тебе в беспрепятственном проезде через Углицкие земли, я, видя благодать сего предприятия позволю сие сделать. Токмо ты, как, даст Бог, вернёшься, отпиши и мне обо всём, что встретишь в дальних краях. Мы с твоим князем за одно. А государству нашему и торговля нужна, и бранная сила врагам на устрашение.

- Да я уж начал такое писание.

- Яз говорил, пойдёшь местами ты опасными, там людей лихих полно. Так вот дам я тебе зелья для пицалей. Можя сгодится.

- Благодарствую, княже Андрей Василич!

Ушёл купеческий караван. Никто не ведал тогда, что ждёт этих людей на чужбине. Что сразу же, на границе разграблены будут суда татарами. Что люди многие будут кои побиты, а кои помрут в дороге от недугов разных. Только сам Афанасий будет идти к намеченной цели и достигнет её. И всё, что увидит он за свой долгий и многолетний путь, запишет в книгу, которую будет беречь, пуще жизни своей.

Казань

Давно уж не было житья землям русским от Казанского ханства. Как вороньё слетаются татары на Русь, уводят большие полоны. Храбро дерутся русичи, да сил, порой, не хватает побороть грозного соседа. Да и купцам русским и гостям заморским по Волге не пройти, - ограбят казанцы.

- Пора, братья, - призвал Иван Васильевич, - кончать с такой жизнью. Надобно указать казанскому царю его место, дабы впредь ведал, где его, а где чужое. Сбирайте рати, князья да бояре! Хочу идти на Казань.

Заволновались бояре. Кои мяли соболю шапки, вели нерешительные речи, де не стоит рисковать.

- Веди рати, государь - великий князь! – Выкликали другие.

- Опомнитесь, братья! – Иван узнал в кричавшем Шуйского. – Неча на рожон лезть! Такие дела не стряпают в одночасье! Не вели казнить, государь великий князь Иван Васильевич, но прежде выслушай.

- Говори, Василий Васильевич. – Раздражённо произнёс великий князь.

- Дозволь мысль свою изложить, государь. Казань спокон веку сильна была. Вредности от неё довольно было - то верно. Так ить и сила у неё несметная. Даже прашур твой, государь, великий князь московский Дмитрий Иванович, прозванный Донским за славные победы, не решался туда идти.

- Замолчь, Васька! – Закричали Ряполовские. – Ишь вздумал великих князей хулить! Воровство это!

- Позволь, государь великий князь Иван Васильевич, мне молвить. – Обратился Юрий Дмитриевский.

- Говори. – Разрешил брату Иван.

- А ить есть правда в словах князя Василия Василича, государь. Но я это говорю не из боязни: позовёшь, так пойду на поганых.

Заволновалось боярство: как же это великокняжеский брат смел супротив государя идти.

- Коль повелишь, - продолжал Юрий, перекрикивая нараставший шум, - пойду на брань хоть воеводою, хоть простым ратником! Токмо не решай в одночасье идти на врага. Зело силён царь. Вот моё слово!

- Верно Юрьи молвит! – Выкликнул Андрей Большой. – Токмо, государь великий княже Иван Василич, думу-то думати да не след и мешкать. Сбирай рати! Вели удельным дружины вести! И я со своей приду.

- Добро, братья! – Обрадовался Иван. – Порешил я во главу войск своих поставить князей Андрея да Юрья. Смелости в речах их зело много было. Вот мы и узрим в брани их смелость! – Посмеялся великий князь. Потом добавил. – Братья мои сидят крепко в седле, отчего сие доверие к ним. Идите же, князья да бояре, по своим отчинам да торопитесь. К весне собирайте рати и дружины.

В лето 6977-е², весною же начали собираться русские рати в далёкий и трудный поход. Ото всюду, из малых и больших княжеств стекались дружины, рати и одинокие воины. Не видывала ещё доселе белокаменная такого числа ратных людей. Множество князей, бояр да детей боярских готовы были в поход. Но и это было ещё не всё.

- Зрю и радуюсь, братья мои, князья-бояре! – Воскликнул молодой великий князь. – Радостно от верности вашей. Идите и склоните голову злему врагу! Русь зовёт!

- Христьяне! – Обратился к полкам митрополит московский Филипп. – Во славу господу да земле русской не посрамите мечи свои харалужные! За веру православную идите же на поганых! Помните, еже отдадите живот, то за правое дело, любо возвернётесь, то чтить будем аки победителей. Идите с Богом, возвращайтесь с победой! Аминь.

Разлились прощальные колокольные звоны над Москвой-рекой. Двинулись русские рати в сторону Коломны, далее на Нижний.

Решено было все силы поделить на две части. Первая состояла из судовой рати, командовал которой воевода Константин Александрович Беззубцев, и конно-пешей, возглавляемой воеводой-князем Петром Васильевичем Оболенским-Нагим.

Судовая рать, собранная из детей боярских из всех городов, направлялась к Нижнему Новгороду. Москвичи плыли Москвою-рекою и Окою; коломничи и Муромцы также Окою; Клязьмою плыли владимирцы и суздальцы; дмитровцы, можайцы, угличане, ярославцы, ростовчане, костромичи и другие поволжане двигались прямо Волгою.

Сухопутная рать состояла, в основном, из москвичей, купцов, сурожан, суконников.

Вторая половина войска составляла большой резерв, возглавляемый угличским князем Андреем Большим, дмитровским князем Юрием да молодым верейским князем Василием Михайловичем. Войска ждали своего часу.

Вот уж второй месяц стояли русские под Казанью, а победой и не пахло. Побаивался и хан скопившихся под стенами осаждающих, не вступал в открытую брань, но силу свою показывал, осыпая русских градом стрел, устрашая пушечным огнём. Да отошли те времена, когда пушкой напугать можно было. Теперь и русские пищали крушили казанские стены.

Но осада затягивалась. День за днём воеводы Беззубцев да Оболенский-Нагой засылали в Москву гонцов с просьбами о подмоге. Иван же думал пока теми же силами управиться.

Наконец, собрал великий князь воевод.

- Что же, князья Андрей Василич, Юрий Василич да Василий Михалыч. – Обратился Иван к воеводам. – Дело в Казани не идёт. Силён враг. Придётся и вам начинать. Час нас-

тал. Ты, князь Юрьи, и ты, князь Василий, собирайте свои дружины и пеши и конны и двигайтесь к Казани. А ты, княже Андрей, знаю, аки ты силён с лодиями, и в княжестве твоём их множество, плыви по Волге.

- Да я уж, великий княже, собрал своих угличан да устюжан. – Ответил Андрей Васильевич.

- Зело знамениты кузнецы твои, княже Андрей; не подведёт, мыслю, нас ваше оружие!

В этот же день Андрей с малой дружиной уехал в Углич. Дома он созвал дьяков, бояр, воеводу, велел собирать судовую рать. Это были уже вторые сборы. Первые корабли давно стояли под Казанью.

Летнее утро озарило молодыми солнечными лучами Углич. На волжских волнах покачивались острогрудые ладьи. Могучий колокольный звон заполнял всё пространство, и сквозь него чуть слышался прощальный бабий и детский плач.

Андрей Васильевич вошёл на передний струг. На нём стоял княжеский шатёр, у бортов уложены четыре пищали, по две с каждой стороны. Ещё раз оглянувшись на Кремль. Яркие княжеские стяги с изображением двух всадников с островерхих башен провожали караван судов.

Мерно заплескалась вода под ударами вёсел.

- Поднять ветрила! – Послышалась команда, и наполнились ветром упругие разноцветные паруса над широкими ладьями.

Свадьба

Казанский поход оказался успешным. Русские войска возвращались домой с большой добычей. Побежденные казанцы дали немалый откуп в виде дорогой пушнины, пряностей, ювелирных изделий, оружия, изготовленных искусными восточными мастерами. В обозе шла многотысячная толпа освобождённых из плена русских. Хан отдал всех, кого захватил за последние сорок лет. Грязные, голодные и оборванные они шли с радостными лицами домой.

Во всех городах, где проходили войска, царили веселье и радость. Колокольный звон разливался над русскими равнинами. Давно уж, со времён великого князя Дмитрия Ивановича Донского не было у русичей таких побед над татарами.

Отправив с воеводою угличский отряд, Андрей с небольшой дружиной поскакал в Москву.

Великий князь встречал победителей с большими почестями.

- Слава вам, князья и воеводы! – Воскликнул он, поочерёдно обнимая Андрея, Юрия, Василия, Константина Беззубцева и Петра Оболенского-Нагого.

После окончания княжеских церемоний Иван Васильевич подошёл к Андрею. Рядом была мать Мария Ярославна.

- Пора, княже, задуматься тебе о дальнейшей жизни.

- О чём ты, Иван Василич? – Андрей удивлённо взглянул на старшего брата, потом на мать.

- Да надобно тебе семью творить. Я матушке нашей говорил, да она согласна. И девицу нашли тебе зело красну.

- Да уж, хороша! Поверь мне. – Мать обняла Андрея.

- Да кто ж она? – Растерялся Андрей.

- Мезецкого князя Романа дочь, Олёна.

- Девица-то хорошая, да...

- Так что? Не смущайся, брате. Мы уж и день наметили.

Мая месяца двадцать седьмого дня 6977-го состоялась свадьба Андрея Углицкого и Елены Мезецкой. Проходила она на московском андреевом дворе, принадлежавшем когда-то ещё Дмитрию Шемяке.

Знамение

Лета 6980-го³, месяца апреля в Москве собралось князей множество, бояре вельможи. Случай был торжественный. Митрополит Филипп огласил всенародно, что состоится закладка новой, немыслимой по величине соборной церкви, первойшей на всей Руси.

Братья собрались в теремном дворце и, наблюдая в узкие окошки, что творится на дворе, слушали рассказ митрополита.

- Зело древле сие боголепное здание. – Говорил спокойно Филипп. – И построено оно бысть в незапамятные времена, аще в лето 6833-е,⁴ юже строил преосвященный митрополит киевский и всея Руси Пётр по велению великого князя Иоанна Даниловича, внука Александрове. А лета 6835-го⁵ освящал сию соборную церковь Успения Пречистой Богородицы на Москве месяца августа в четвёртый день епископ Прохор Ростовский.

Андрей поглядел в окно. Постарела, сильно постарела Успенская церквушка. Страшно смотреть обшарпанные, облупившиеся стены, рассеченные неровными трещинами. Покошились главы. Да и кровля прогнулась, - заходить боязно. Вокруг сделаны подпорки дубовые, чтобы не рухнуло строение. Жаль это древнейшее в Москве каменное здание.

- Желаю я, - продолжал митрополит, - воздвигнуть храм зело велик, в меру храма Успения иже в Володимере; юже созда великий князь Андрей Юрьич Боголюбский, внук Манамаш,⁵ об едином версе.

- Отчего, отче, об едином, а не о пяти? – Спросил князь Иван.

- Ибо, государь великий князь Иван Васильевич, единый верх являет символ единения всей Руси, ибо завещали так деды и прадеды и кровью своею утверждали.

Филипп говорил страстно и убедительно. Было видно, что мечты его станут явью.

- Хорошо мыслишь, отче, - Иван Васильевич был доволен: постройка самой большой на Руси церкви было не простым событием и не столько богоугодным, сколько политическим. Это наведёт многих князей, которые непрочь назвать себя великими, на мысль о главенствующем положении Москвы.

- А каменосечцы сии, государь, - рассказывал Филипп, - уж явились да готовы дело делати.

Действительно, вокруг старой церкви сустились люди: что-то размечали, копали, разбирали старые постройки.

Андрей Большой с любопытством похаживал, посматривал на строительство, с мастерами поговаривал.

- Эй, холоп! – Окликнул он седобородого мужика, по-видимому, старшего среди работников. – Поди-ка.

Мастер узнал великокняжеского брата, снял шапку и подошёл. Двигался он гордо, не сгибая спины. Это понравилось князю.

- Скажика-ка, братец, как кличут тебя? Зрю, воеводишь здесь.

- Да, княже, мастер я, кличут Ивашко.

- А скажи, Ивашко, вот митрополит да великий князь замыслили сотворити строение более великое, нежели Успенья володимерская церковь, а ты видывал володимерскую-то?

- А как же. Я ж с камнесечцы же в Володимер ходил. Диво дивное – тот собор! Зело красен и высотой и величием. Мы измерили широту и высоту и олтарь.

- А сдюжите вы-то, Ивашко? – Хитро спросил молодой князь.

- Русскому мужику – всё нипочём... - Ответил мастер, а сам глубоко вздохнул.

- Лих ты, брат! – Андрей похлопал его по плечу. – Ну, да работай. Да моих, углицких-то гляди, пущай не ленятся!

В то же время великий князь неожиданно порешил собрать на думу своих братьев, митрополита, архиереев, бояр да воевод.

- Аз собрал же вас ныне ради решения дела наинужнейшего. Слыхали ли вы: Новугород отступил от нас!

Среди бояр началось волнение. Иван Васильевич ждал, пока стихнут возмущённые голоса.

- Порешил аз идти на Новугород... - Тихо произнёс великий князь.

- Веди рати, государь!

- Проучить новугородцев!..

- Да, а то зажрались, сидючи!..

- Тиха! – Ивану понравилась реакция бояр. – Когда же собирать войска, - вот, что волнует меня.

- Идти нынче же, государь великий князь Иван Василич, так я мыслю. – Предложил Михаил Андреевич Верецкий.

- До лета рати не собирать! – Вступил в спор Юрий Васильевич.

- Да и летом не след. – Возразил Иван. – Сколько уж князей великих на Новугород летом хаживали, а кто ходил, тот много людей потерял, ибо болота да топи окаймляют землю новугородскую.

- Сие верно, государь великий князь. – Встал митрополит Филипп. – Да ведь и новугородцы – не дураки, знают, когда все московиты на них хаживать любят. Нежданно надо – вот, что наперво!

Слово митрополита оказало сильное воздействие. Пусть ещё долго продолжались споры, да вопрос уж был решён. Теперь все думали, как войска снарядить да кого во главу ставить, да к каким срокам готовым быть.

- А Москву сторожить оставлю сына своего Иоанна Иоанновича.

Мальчик вышел, поклонился боярам.

- А при нём будешь ты, князь Андрей Василич. – Иван взглянул в сторону Андрея Большого.

Андрей ответил поклоном, а сам подумал: «Хитро дело – баб с мальцами сторожить! Дал бы лучше перед ратью скакать. Да ить – великий князь. А нам-то, удельным, куда уж!»

Работники копали рвы, забивали их деревом и камнем. На эту подошву выложат потом фундамент под стены.

Наконец, того же лета месяца апреля в тридцатый день, на память Святого апостола Якова, в два часа дня Москва будто встряхнулась от ударов колоколов. Звон разливался по всем улочкам, плыл над древним Кремлём. Торжественный гул перемежался с весёлыми перезвонами. У всех было какое-то необычное, приподнятое настроение. Народ бежал в Кремль.

А там уж и без того толпы собралась - не пролезешь. На крыльце, оставшемся от старой Успенской церкви, в торжественных одеяниях с большим крестом стоял митрополит Филипп со всем собором. Рядом – великий князь с семейством, княгиня Марья, удельные князья – братья Ивана Васильевича, бояре и вельможи.

Отслужив молебен, Филипп приступил к закладке церкви.

- Здесь бысть олтарю! – Движением руки он указал на восток.

Мастер Ивашко засуетился, подгоняя товарищей. Отмечали все стороны, где будут стены и углы. Потом начали делать кладку.

Постепенно вельможи стали расходиться. Растекались и народные толпы, люди разбредались по своим дворам. Работа же продолжалась.

Когда выстроили стены в рост человеческий, взялись разбивать первую церковь. Как разобрали до основания, Филипп снова велел звонить во все колокола. Месяца мая в двадцать девятый день, в пятницу, на память мученицы Феодосии-девицы решили совершить перенос мощей митрополитов Петра, Киприяна, Ионы и Фотея в новую церковь.

Вновь собрался народ: епископ сарский Прохор, архимандриты, игумены, протопопы и все священники московские. Служили молебен. Пришли князья с боярами. Много народу собралось.

Вначале перенесли раки митрополитов Киприана и Фотия и поставили на десной⁶ стороне, в едином киоте в основании стены новой церкви. Настала очередь раки митрополита Ионы. Гроб вытащили наружу. Вдруг один из холопов неловко споткнулся (в глазах великого князя мелькнула страшная искорка гнева), гроб накренился, прогнившая крышка чуть приоткрылась, и оттуда разнёсся странный дурманящий запах.

Митрополит растерялся. Собор шумно совещался. Народ требовал открыть гроб. Филипп был против, но делать было нечего, пришлось согласиться, а то спор мог бы принять слишком большой размах.

Оторвали крышку. В толпе ахнули: Иона лежал, не тронутый тленом...

Случай с мощами Ионы вызвал большие пересуды. Гроб снова закрыли и поставили с левой стороны новой церкви.

Потом перенесли мощи князя Юрия Дмитриевича, убитого в Орде Дмитрием Михайловичем Тверским.

Прошло несколько дней. Оставалась не перенесённой рака митрополита Петра. Народ опять требовал вскрытия. Толпы шумели.

- Боюсь яз всего этого... - Сомневался Филипп.

- Но, отче, иначе не будет нам веры от народа. Откроем. – Убеждали представители собора.

И вот июня четырнадцатого дня снова собрали народ.

- Христьяне! – Воскликнул Филипп. – Во имя Господа нашего, Бога всевышнего, да святится имя его, и Живоначальной Троицы, свершится дело святое и обретутся мощи преосвященного митрополита Киевского и всея Руси Петра. Аминь!

Холопы открыли крышку раки... Толпа отпрянула... В гробу в беспорядке лежали кости. Ужас охватил всех. Был слышен шёпот: «Что делать? Как быть?»

Первым очнулся Филипп, бледный с трясущейся бородкой.

- Христьяне! – Произнёс громким, но дрожащим голосом. – Православные! Глаголю вам тако: сие творение десницы злочестивого царя Тахтамыша, кой лестью взял град Москву и тогда разорил гроб святого митрополита Петра ибо не быша ничто же сокровенно в царе иноверном!..

«Чаю я, - думал Андрей Васильевич, - не к добру сие. Быть беде...»

Эта мысль не покидала его и на празднестве в честь перенесения мощей. Но за пирами да делами страсти улеглись.

Снова поход

Как порешили, так и вышло. В июне месяце того же лета двинулись из Москвы полки к Новгороду. С Иваном вышли в поход братья: Юрий, Борис и Андрей Меньшой. В княжеской свите ехали Верейский князь Михаил Андреевич с сыном да татарский служилый царевич Даньяр. Иван Васильевич смотрел вперёд, в будущее: победа ему казалась близкой. Наверное, поэтому он выпросил у матери, княгини Марьи Ярославны, взять с собою в поход дьяка её Степана Бородатого, хорошо знавшего летописное дело.

Вскоре войска разделились. Первым пошёл Даниил Дмитриевич Холмский с боярином Фёдором Давидовичем. Под его началом стояло около десяти тысяч пеших и конных.

Князь знал, что многие из его воинов, даже не увидев врага, погибли в трясине новгородских болот. Нелёгкий путь предстоял. Первый отряд направлялся к Русе.

Вслед за Холмским двинулись воины князя Оболенского-Стриги. Их сопровождала лёгкая татарская конница Даньяра.

Сила шла несметная. «Не устоять господину Великому Новгороду! - Восхищался проходящими мимо московскими полками великий князь. - Только бы добраться, а там вам покажем, купецкие души, как от жиру-то беситься!»

План был серьёзный. Добравшись до Вышнего Волочка, затем по Мсте, москвичи должны были несколькими отрядами с разных сторон подойти к Новгороду. Силы были значительные, и Иван надеялся малой кровью «поучить» новгородцев. Но уже в дороге он понял, что всё не так-то просто.

Андрей Васильевич ждал вестей от старшего брата, сидя в Москве. Надоедало ему такое безделье, хотелось в бою счастья попытать, а тут одно только и было утешенье, как рассказывать маленькому сыну Ивана разные были про походы отцов и дедов. Да и про свой часто вспоминал князь Андрей – лесно ему было выглядеть в глазах племянника героем. И вот двадцатипятилетний князь, как бывалый воин, вспоминал о каждой подробности осады Казани.

- А скажи, дядя Андрей, - спрашивал Иван, - а много ли войска ты под Казань привёл?

- Много, княже Иван. Такого войска не видывала дотолё земля Русская! Ух и напугали ж мы татар. Большой выкуп отдали они нам тогда. Радовались русские.

- А скажи-ка, дядя Андрей, отчего так случается: давно уж бьют наши войска татар, от Дмитрия Иваныча Донского и до наших дней, а всё житья от них нету? Вон уж, которые нам служат и те бесчинствуют! Царевич Муртаза, что Москву оставлен нам в помощь оберегать, а и тот на Ордынке не весть что творит!

- Это верно, князь Иван. - Андрей нахмурился. - Но придут времена, когда суждено нам жить без татар будет. Любо великий князь, отче твой, сумеет сие сотворити. И ты, княже, постоишь за землю Русскую. Не далёк тот день!

- Скорей бы. - Вздыхнул мальчик.

Вошёл московский наместник Иван Юрьевич Патрикеев.

- Буде здравы, княже Иван Иваныч да князь-воевода Андрей Василич. - Обратился он к находившимся в хоромы.

- Здоров и ты, княже Иван Юрьич. - Ответили князья. - Каковы вести принёс?

- Так вести разные, уж не знаю, с чего начать.

- Начинай, всё одно – разберёмся. - С нетерпением перебил Андрей.

- Царевич Муртаза надясь пожёг посады на Полянке, отчего убыток не токмо его служилым людям, а и москвичам.

- А с чего он буйствует?

- Им, царевичам, на Москве веселья подавай! Как тати по дворам рыщут, снедь да жёнок имают.

- Ужо вот стренусь я с ним! - Взволновался Андрей.

- Да брось ты, княже Андрей Василич, - махнул рукой Патрикеев, - не связывайся с погаными. Не будет толку.

- Ну, что ещё за вести, Иван Юрьич? - Хмуро спросил Андрей Большой.

- Другие вести хорошие. От великого князя Ивана Василича гонец прискакал ноне.

- Зови, выслушаем.

Вскоре вошёл гонец, пыльный, грязный, с репьем в чёрной кучерявой бороде.

- Буде здравы, ты, княже Иван Иваныч, и ты, княже Андрей Василич, и ты, княже Иван Юрьич! - Гонец поклонился всем находившимся в хоромы. - Велел сказать великий князь Иван Василич, де идёт с войсками назад, в Москву. Много пережили москвиты в

страшной дороге до Новгорода. Округ болота да топи, а новгородцы гати⁷ не кажут. Множество воев потонуло! Дошло до Новгорода токмо четыре тыщи москвитян.

Слушавшие так и охнули от услышанного.

- Так что ж? – Спросил Иван Юрьевич.

- А уж под Новгородом супротивная рать встречала. – Продолжал великокняжеский гонец. – Размером велика. Пеших да конных к сорока тыщам. Да все в железо закованы, по-немецки. Брань была сильна и неравна. Много москвитян полегло да новгородцев и того более! Бежали они под стены, а Новгород сдался. А на поле брани побито на смерть двенадцать тыщ новгородцев, а более тыщи восемисот полонёно великим князем. Идёт теперь Иван Васильевич к стольному граду с победой!

Вся Москва ликовала, узнав о победе. Со дня на день ждали московскую рать. Под звон колоколов въезжали передовые отряды, во главе которых были удельные князья. Далее вели полонённых новгородцев.

Появление великого князя вызвало бурный восторг жителей.

- Крепка Московия! – Воскликнул Иван Васильевич. – Ишь сам господин Великий Новгород, - указал он перстом на пленников, - пред нами голову склонил!

Иван III – великий князь

Всё, что думали о князе Иване Васильевиче противные ему бояре да князья, подтверждалось с каждым годом его правления, - всё к своим рукам прибрать старался, не давая вздохнуть князьям в отчинах своих.

Вот уж два года прошло, как пала к его ногам Псковская земля. Посадил там Иван Васильевич своего наместника Якова Васильевича Оболенского. Теперь его мысли дальше пошли к Новгороду.

- Ехать хочу в Новгород, знать желаю, как новгородские граждане живут. Будто опять волнения охватили эту землю.

- Что же, великий княже, - сказал в ответ митрополит московский Геронтий, - в чём нужда твоя есть, поддержим. Дело правое ты замыслил – Русь единая сильнее! Пересудов не бойся.

- Каких пересудов?

- Да так, роптания кое-какие после Пскова пошли.

- Откуда ропот слышен?

- Пока, княже, сказать трудно зело. Да есть намёки, будто из Углича.

- Из Углича?! И чем же брате не доволен?

- Говорит, один жить на земле отцовской хочешь...

- Это как?

- А будто после смерти Юрья Василича-то Дмитровский удел ты, княже, неравно поделил, не дав братьям своим доли.

- Кто же заодно с князем Андреем?

- Князь Борис Василич Волоцкой.

- М-да... Ну, да теперь не время. Как явлюсь из Новгорода, разберём их недовольства.

В ненастное утро двадцать второго дня октября месяца лета 6984-го⁸ выехал великий московский князь из стольного града. Дороги уж раскисли от осенних дождей, отчего свита княжеская продвигалась медленно. Слышно глухое позвякивание оружия конников да чавканье грязи под копытами лошадей. Первого дня ноября, проехав половину пути, князь

прибыл в Торжок. Долго здесь не стояли. На следующее утро уже были в дороге, так что через четыре дня проезжали Вышний Волочёк.

Когда дружина князя и челядь остановились, к князю пришли посланцы из Новгорода.

Великий князь сидел в воеводской избе. Пришёл дьяк:

- Великий княже, там к тебе просятся новгородцы.

- Чего им?

- Кои с поклонами от архиепископа Феофила, кои с жалобами.

- Зови феофиловых-то.

Вошёл посланец новгородского архиепископа.

- Ну, - сказал князь, - с чем ты?

- Владыка Феофил поклоны шлёт тебе, княже великий, и ждёт с радостью тебя в Новгороде.

«Ишь ты, хитрец старый, - шевельнулась мысль у Ивана Васильевича, - лижется аки собака, кою ударить метят».

- Ну, да иди ж и передай владыке, что с миром и благом иду. Пусть ждёт.

Как только вышел Феофилов гонец, в избу, кланяясь, неловко толпясь в углу, противились чёрные новгородцы. Среди них выделялся чернобородый мужик, наверное, купец, судя по собольей шапке, которую он мял в руках.

- С чем, граждане, пожаловали? – Спросил князь, обводя толпу взглядом.

- Выслушай, великий княже, простых новгородцев. – Выдвинулся вперёд купец.

- Я, Кузька Яковль, с товарищи. Рассуди, великий княже, нас с боляры наши.

- За что обиду держите на них?

- Обид-то много, не одна!

Кузьма говорил о разных боярских проделках, об издевательствах над простым людом, о грабежах, а стоящие сзади новгородцы кивали, подтверждая его слова.

Иван Васильевич внимал жалобам посадских людей.

Наутро огромная свита двинулась из Вышнего Волочка. Дороги здесь оказались ещё хуже, да и глубокая осень не раз разрывала серое, туманное небо проливными дождями. Часто приходилось останавливаться на переправах разлившихся рек, объезжать болотистые места и другие препятствия. Так что вторая половина пути потребовала большего времени на её преодоление.

За сто вёрст до Новгорода великого князя повстречала делегация богатых горожан. Среди толпы Иван Васильевич сразу различил знакомые лица. Чуть впереди стоял с жезлом архиепископ Феофил, облачённый в шитую золотом фелонь из красной парчи. Поверх фелони на нём была накинута белоснежная епитрахиль, которую венчал огромный позолоченный крест, украшенный драгоценными камнями и золотой цепью. На голове Феофила – не менее драгоценная митра. Ивана поразили величественная осанка и гордый взгляд архиепископа.

Своими манерами и одеянием Феофил, будто свеча среди ночи, ослеплял окружающих и как бы отдалял на задний план сообщников – игуменов новгородских монастырей, посадников, тысяцких.

- Здрав буде, княже великий Иван Васильевич. – Произнёс басом Феофил. – Рады лицезреть тебя на Новогороцкой земле.

- Не меньше рад, - ответил великий князь, идя навстречу архиепископу, - видеть вас, новгородцы, в мире и согласии с Московией.

Обменявшись приветствиями, Иван Васильевич и Феофил сели в княжескую повозку; теперь ещё большее число людей двинулось к Новгороду.

Ноября двадцать первого дня свита великого князя остановилась в Городище, не доезжая до Новгорода. Здесь великий князь созвал обед, пригласив и новгородцев, встретивших его.

- Граждане новгородские и люди московские, сей обед я созвал ради владыки новгородского Феофила. Прошу выпить вина медового во здравие владыки и всей земли Новгородской и Московии, отчины нашей!

Сидящие за столом закричали, одобряя слова великого князя, восхваляя Ивана Васильевича и Феофила.

Потом начались богатые подношения. То были братины да блюда серебряные, золочёные, да перлами, лалами и яхонтами усыпанные.⁹ Диво брало княжьих людей, сколь богат господин Великий Новгород. К вечеру насчитали целый воз даров драгоценных.

Вечером же опять начали приходить с жалобами посадские. Великий князь разбирал их. А жаловались всё на бояр и их холопов.

Ноября двадцать третьего дня после службы в Софийском соборе Великого Новгорода к Ивану Васильевичу подошёл архиепископ Феофил:

- Изволь, княже Иван Василич, обедать у меня нынче.

Князь с дружинниками и боярами московскими прибыли к архиепископу, где встречи были очень радушно. Во время обеда у Ивана и Феофила завелся разговор:

- Владыка, - сказал Иван Васильевич, - новгородские горожане замышляют суд судити над обидчиками своими – боярами да детьми боярскими. Не угодно ли тебе бытии там.

- Что же нам, великий княже государь Иван Василич, из-за грызни да ругани черни время тратить.

- Нет, владыка-отче, те, кто в отчинах наших живут, те – наши. А кому, окромя нас защитить их, разнять в брани бесплодной!

- Правда твоя, княже, да лучше, думаю, вече решит, чем тебе голову думами утяжелять.

Двадцать пятого дня начался суд. В избе сидели Иван Васильевич, Феофил, дьяк Захарий Овинов и бояре. Захарий взглянул на Ивана Васильевича.

- Начинай! – Приказал великий князь.

Захарий тут же позвал представителей от потерпевших и обвиняемых, а также ябедников.¹⁰

- По делу сему имеется челобитная горожан Великого Новгорода от двух улиц Никитиной и Славковой. В челобитной жалоба на бояр новгородских Василия Ананьиного, Богдана Есипова, Ивана Афанасьева и других с детьми. Горожане жалуются, будто они, бояре, как тати последние народ грабят, землю берут и против тебя, государь, воруют.

При последних словах глаза великого московского князя загорелись, наполнились яростью.

- Кто воровал? Сознавайтесь!

- Поклёп сие! Не было, государь княже! – Бояре бросились на колени.

- Не было, государь!

- Помилуй, не воры!

- Пусть ябедники укажут.- Спокойно сказал Иван Васильевич.

- Да, пусть лучше они укажут. – Заметил Феофил. – А то эти всё одно не признаются.

- Говорите! – Приказал Захарий Овинов.

Вперёд вышел один из посадских людей.

- Дозволь, княже великий, сих бояр обвинить. Давно от них житья нету. Конями людей посацких дают игрища ради, дома их грабят, женок насильничают. А верховодят Афанасьев с сынами да Есипов с Ананьиным. Людей посацких штрафами обложили, убить кого им – что муху хлопнуть! А Иван-то Афанасьев всё холопов в Литву посылал, раз и сам ходил. Чего там делали, нам не ведомо...

- Погоди! – Движением руки остановил его Иван Васильевич. – Все согласны со словами сиими? Был Афанасьев в Литве?

- Был!

- Как же, ходил.

- Тем летом.

- С сынами.

- Владыка, народ говорит о вине их. Как ты мыслишь? – Спросил князь.

- Вина есть... - Сказал архиепископ, встав со скамейки. – И мысль моя такова, что надо наказать виновных. Пусть уплатят повинную.

В народе пошёл ропот, волнение.

- А моя мысль, владыка наш, - резко, даже с раздражением произнёс Иван, - Заточить их в Москве.

- Верна!

- Правда твоя, княже! – Послышались выкрики.

- Вина, княже, у них есть, но не такой силы, чтобы темницей наказывать. – Возмущенный Феофил.

- А воровать – вина малая?! – Глаза великого князя налились кровью.

- Княже, я могу на поруки взять виновных. Верь – они не повторят воровства! – Отстаивал Феофил.

- Хорошо. – Тихо, но твёрдо сказал Иван Васильевич, так, что после этого ему никто не посмел возразить. – Бери на поруки коих, а Афанасьева – вора с детьми всё одно пошлю в Москву... Всё одно...

В январе двадцать шестого дня великий князь уехал в Москву. Радостно князю – новгородский народ за ним.

Паисий

На этот раз князь Андрей не спешил домой. Не доезжая до Углича вёрст сорок, свита повернула в сторону Макарьева монастыря. Кони пробирались сквозь сугробы, увязали по брюхо в глубоких снегах. Наконец, мучительный путь приблизился к завершению. Впереди, на высоком волжском берегу показались посадки Калязина, а посередине белой глади заледенелой реки, на островах возвышались замеченные снегом церкви и башни Макарьевой обители.

- Навестить хочу инока Паисия. – Сказал Андрей. – Самого Макария ученик. Мудрый человек. Прошлым летом, как я ездил в Москву, а на обратном пути завернул к Макарию исповедаться, тогда и был с ним уговор, придёт де к нам Паисей, на Углич да братию соберёт. Порешил яз, что хорошего соратника обрести могу в Паисии.

По крутому спуску выехали на лёд. Монастырь стоял неподалёку. Княжескую свиту давно уже заметили и, видимо, узнали по развевавшемуся на ветру стягу. Навстречу, проваливаясь в сугробах, выбежало несколько человек в чёрных рясах.

- Будь здрав, княже Андрей Василич! – Воскликнул один из них, когда конники приблизились. – Добро пожаловать в нашу обитель.

- Добре ли житие ваше, святые отцы? Здравие как? – Поклонился Андрей Большой, спрыгнув с коня.

- Милостию Божьей. – Ответили иноки, перекрестившись.

Отстояв обедню и вкусив пищи с трапезного стола, княжьи люди отдыхали после дальней дороги. Андрей же уединился с Паисием в его келье. Долог был разговор.

- Дать тебе хочу, отец Паисей, земли мои за Волгою, где Мимошня в неё вливается. И мыслю помощь в разуме твоём обрести...

**А.Кулагин. Святой Паисий Угличский. Фрагмент картины «Угличские Святые»
Историко-музыкальный музей «Угличские звоны»**

От слов князя трепетало пламя на горевшей в светце лучине. Жёлтые зайчики прыгали по древним стенам монастырской кельи. Паисий сидел, задумавшись, только морщинки двигались на его большом с залысиной лбу. Да, он был уже не юнец, он прожил на этом острове двадцать восемь лет, а теперь должен будет уехать, начать новую жизнь, самостоятельную. Неоткуда будет ждать подсказок.

На следующий день конный отряд двинул через семендяевские болота, через Жабню-реку на Углич. Паисий и несколько иноков ехали с Андреем.

Покровская обитель

Паисий как приехал, так взялся за строительство собственного монастыря и слободы вокруг него. С настоятелем сначала было только несколько иноков. Теперь стекались к нему люди разные. Были и беглые.

Андрей Васильевич часто навещал Паисия, следил за ведущимся здесь строительством. За год пребывания на угличской земле этого деятельного человека выросли деревянные стены монастыря и храм, освящённый в честь Покрова Богородицы. Говорят, когда Паисий ходил по берегу Волги, выбирая место лучшее для постройки собора, упал крест из рук его. Святой отец посчитал, что места лучше, чем Богом указано, и не найти.

- Думаю яз, княже, созидать на оном месте, - Паисий указал на деревянную Покровскую церковь, - зело огромный собор, уподобляемый Володимерскому либо Московскому.

Покровский Паисиев монастырь. Макет.

Историко-музыкальный музей «Угличские звоны»

- Яз рад, что обрёл в тебе, отче, верного соратника. – Поддержал замысел Паисия Андрей.

Однажды князь призвал дьяка Демидова.

- В Паисии я вижу большую защиту Угличу. Пуща стены возводит, землю орёт,¹¹ а надо будет на поле брани сойтись – не посрамит с братиею. Желая дать ему волю большую. Пиши, Митя, грамоту.

Андрей прошёлся по палатам, посмотрел в узкий проём окна во двор. Мужики на лошадях возили брёвна вековых деревьев, стучали топоры, и стук этот разносился по Кремлю. Вот уже новая Никольская башня, что на прясле у Волги, белела свежесрубленными, пахнущими смолой, стенами.

Князь начал диктовать дьяку текст грамоты, обдумывая каждое слово:

«Се князь Андрей Васильевич пожаловал есми покровского игумена Паисея с братиею или по нем кто иной игумен будет: освободил есми им Покрову Пречистыя в дом слободу сбирати на сей стороне Волги по берегу от Рождественского врага к Покрову, и ково к себе в ту слободку перезовут житии иных княжений, а не из моей вотчины Андреевы Васильевич, моя дань на дватцать лет; а ково к себе перезовут житии из моей вотчины безвыписных людей или к себе, откупив, посадят, и тем их людям не надобе моя дань на десять лет: ни ям, ни подвод, ни мест, ни тамга, ни восми жеребья, ни коня моего ни кормят, ни сен не косят, ни к сотским, ни к дворским, ни к десятским не тянут, ни в какие ни в розмёты не надобе или ни иные ни которые пошлыны, а тяглых моих людей письменных и вытных в ту слободку им не принимати. А наместницы мои угличские и их тивуны тех людей их слобожан не судят ни в чем, опроче душегубства, ни кормов своих не мелют, ни высылают к ним ни почто; а праведчики и доводчики у них поборов не берут и судит Паисея с братиею своих людей слобожан сами во всём или кому прикажут. А случится суд смежной или с волостными ино поместницы мои и волостели и их тивун судят, а игумен Паисея с братиею или их прикащик с ними судит. А прав ли виноват ли городской человек или волостной и он наместник и волостелю в правде и в вине; оправдан ли виноват ли будет слобочкой человек и он игумену с братиею в правде и в вине или их прикащику, а наместницы мои и волостели и их тивун в их человека слобожанина не вступаться ни в праваго, ни в виноватаго; так же у тех слобожан кто станут гости на подворье с иных городов, наместником и тивуном и всем пошлынником не являются, ни пошлын не дают ни которых, опричь церковных пошлын, а являются игумену с братиею или его прикащику. А силою у них не ставятся на подворье никто, а пятно держат в той слободке своей. А коли поедут мои рыболове с поезды, игумен пошлёт с моими рыболовы своих рыболовов с поезды, а тех поездов оброка не дают. На пиры, на братчины к ним в слободу не ездит никто, а кто поедет на пир и на братчину незван, а случится тута какова гибель, и тому платить без суда и без исправы вдвое. А коли кому будет чего искать на игумене или на его прикащиках, ино их сужу я, князь Андрей Васильевич. А кто ся ослушает моей грамоты, бытии от меня в казны. А дана грамота восемьдесят четвертаго...»

Дьяк закончил. Андрей взял перо и витиеватым росчерком написал своё имя.

Кассиан

Как-то летом 6985-го¹² на излучине Волги появились три челна. Крепкие гребцы в чёрных рясах с закатанными рукавами гребли, медленно двигая тяжёлые ладьи против течения. Мощная волна разбивалась о крутые груди челнов. Всё ближе подплывали корабли,

А.Кулагин. Святой Кассиан Учемский. Фрагмент картины «Угличские святые». Историко-музыкальный музей «Угличские звоны»

Всё слышней становился плеск вёсел, дыхание гребцов и команды кормчих.

Народ высыпал на берег вдоль Конюшенной улицы, дружинники толпились на кремлёвских забралах.¹³

Ладьи зашли в Каменный ручей, на берег в сопровождении монахов вышел чернородый с проседью мужчина в чёрном клобуке, судя по всему, старший из них.

Сбежавшиеся горожане окружили приехавших. Мимо Николы Подстенного монахи направились в Кремль.

- Кто такие? Откуда? – Прокричал стражник с Никольских ворот.

- Преподобный отец Кассиан к князю угличскому Андрею Василичу. – Ответил один из монахов, следовавших рядом со старшим.

Открылись городские ворота. Дружинник огромного роста встретил гостей и молча повёл к княжескому двору.

Андрей вышел навстречу монахам.

Он сразу же обратил внимание на стоявшего среди высоких чернецов человека среднего роста лет сорока. Его красивое, нерусское лицо, видимо, повидавшее многое, украшали густые чёрные как смоль, начинающие седеть волосы.

- Будь здрав, княже Андрей Василич!

- Здорово, кто же ты будешь, отче?

- Кассиан Макнупский, вот пришёл к тебе просить помощи в деле укрепления веры и могущества отчины твоей.

- Милости прошу, отче.

После небольшой трапезы Андрей с гостем уединились в одной из дворцовых комнат. Началась беседа, которая открывала для князя что-то новое, интересное. Кассиан начал долгий рассказ.

- Родина моя – далёкая Византия. Род мой очень древний – князей Макнупских – известен всей Византии. В миру меня звали Константином. В юные годы, по счастливому стечению дел довелось приблизиться мне к царскому двору. Базилевс¹⁴ Фома Палеолог был своенравен, да книжных людей любил. К тому времени я уже две книги написал, за что и удостоился большой чести от базилевса быть в свите учёных мужей, особо приближённых к дочери его Зое, во крещении Софье.

В то время грозный и бесчисленный враг надвигался с востока на «вечную» страну – то были турки-оттоманы. Думая заручиться твёрдой поддержкой государя русского Иоанна Василича, брата твоего, да зная, что потерял он в ту пору супругу свою, решил Фома отдать в жёны дочь свою Зою за московского князя. Так я попал с её свитой в число людей, должных ехать в Московию.

Но случилось то не в раз. Тогда турки подошли к Константинополю или, как вы, русичи, зовёте, Царьграду. Едва успели мы под покровом ночи бежать, как через несколько дней пал стольный град. С большими трудами добрались мы до Венеции. Леп и красен сей град. Полон гостей иноземных, да и свои купцы богаты. Кораблей у причалов несметное множество. И что интересно, но вместо улиц у них реки, и не лошадях ездят по ним, а на лодиях, коих гондолами кличут.

- Дивно! – Воскликнул Андрей. – И долго вы там пробыли?

- Да, порядочно, покуда из Москвы ответа дождались. Прибыли в Московию в лето 6981-е.¹⁵

Так и стал я при дворе великого московского князя – государя Иоанна Василича, брата твоего. Книгами занимался и ничего, казалось, мне более не нужно, да только...

- Что только? – Спросил Андрей.

- Думаю, княже, не след мне говорить, ибо касается твоего родного брата.

- Говори, не смущайся. Коли была несправедливость, пойму, но выдать – не выдам.

- Ну, ладно. Спаси тя Господь. Слушай. В то время при дворе смута началась. Сама Софья участие приложила к сему. Супротив нашего боярства, что в свите, заговор образовался. Однажды ночью ворвались ко мне, схватили. Так и был пострижен я в монахи. Куда везли – не знал. А попал я на Белоозеро. Так сподобил меня Бог пожить в Кирилловой да Ферапонтовой обителях, славных своею быльёю.

- Знаю сии обители и дорожу честью, что пришлось вклады внести в них. – С гордостью заявил князь.

- И мужи там преславные. – Продолжал Кассиан. – Довелось со многими мне общаться.

Но захотелось мне жить свободной жизнью. Отец игумен благословил меня, и с малой братиею поплыли мы по Шексне, затем по Волге. Вот остановился я на Учемке, что в твоих владениях в пятнадцати поприщах¹⁶ от Углича, где с твоего дозволения и мыслю создать я свою обитель. Прошу тебя, княже Андрее Василич, помочь в сием благолепном деле.

- Муже учёные мне нужны. Есть у меня отец Паисий. Мыслю, сдружиться с ним. А содействовать всяко тебе обещаю.

Долго ещё беседовали князь и монах. Мысль мелькнула у Андрея собрать в своём уделе людей знаменитых. Вот ещё один сидел теперь у него в тереме.

Господин Великий Новгород

К князю Андрею вошёл дьяк его Митя Демидов.

- Ты чего?

- Княже Андрее Василич, там гонец из Москвы с государевой грамотой. Говорит, с глазу на глаз с тобой велено видеться.

- Ну, зови его.

В палаты вошёл гонец. Он снял красноеверхий кивер,¹⁷ отороченный собольей опушкой; на красном кафтане тёмные пятна – следы дождя.

- Княже Андрей Василич, князь великий Иван Василич передаёт поклон, велит, обиды все забыв, собирать полки угличские и идти на Новгород Великий, горожане которого изменой своей разгневали великого князя.

- Чем же разгневали новгородцы нашего государя?

- Взялись воровать с Литвой против Москвы. Сам Феофил заодно с ворами, а князь Шуйский Василий Василич-то молчуном сидит в Новгороде, воров не накажет. Чернь тут же поднялась. Вот в сентябре тридцатого дни и отослал Иван Василич складную грамоту в Новгород. Тебя, княже Андрей Василич, просит помощь оказать своими силами. Сказал, что де не забудет помощь сию.

- Так и сказал, не забудет?

- Воистину так.

- Езжай назад и скажи, пусть ждёт.

Андрей Большой подошёл к двери своих хором и позвал холопа:

- Кликни Демидова, да чтоб тут же пришёл!

Через некоторое время явился дьяк.

- Звал, княже?

- Звал. Иванов гонец весть принёс, будто великий князь на Новгород идёт. И мне велел поспеть к осаде. Велю нонче ж рать собирать. Ты, Митя, править делами остаёшься, си-речь смотри за работами на дворе нашем, в лесах бортных да как холопы барщину работают. Особливо гляди, как строительство в Кремле ведётся, чтоб лес плохой на прясло не везли.

- Всё сделано будет, княже.

Октября десятого дня выступила угличская рать на Новгород. Переправилась через Волгу и, подняв хоругви и стяги, двинулась в сторону Торжка.

Ехали молча. Впереди дружина Князева и сам Андрей Васильевич. Позади верховых пеший полк. За ним конница горожан. Верховые из князевой дружины на шеломы свои еловцы¹⁸ надели, которые развевались, будто пламя на ветру. У пешцев поверх красных да чёрных кафтанов и бехтерцев¹⁹ перекинута крестом ремни из сафьяна, на них сабля или меч висит, а в руке каждый тащит тяжёлую рогатину,²⁰ столь необходимую в пешем бою. Тут же, за полком, три пушки-пищали тянут лошади. За пушками вперемеж одетые в кольчуги и куяки,²¹ шеломы и шишаки, с копьями и мечами, да красными щитами идут ополченцы.

Двадцатого дня князь Андрей со своими полками прибыл в Торжок. А там уж людно, шумно. Не один Андрей Васильевич привёл своих воев в помощь брату. Здесь собрались и московские, и звенигородские, и дмитровские, и переславские, и волоколамские, и ростовские, и владимирские войска, да и других немало. По перву делу угличский князь нашёл Ивана Васильевича.

Вошёл в воеводские хоромы, где остановился великий князь, и, поклонившись, обратился к нему:

- Пришёл, брате Иване Василич, к тебе по зову твоему.

- Хорошо! Хорошо, брате. – Великий князь подошёл к Андрею и обнял его. – Смотри, здесь все братья наши собрались. Это сила! Пусть боятся нас воры новгородские. – Радость виднелась в его глазах. – Вот и Андрей Василич Меньшой рать огромную привёл из Вологды. Я его во главу войск поставил.

- А Борис Василич Волоцкий пришёл ли? – Спросил Андрей Большой.

- Пришёл. – В голосе великого князя послышалась досада; ясно было, что ему не хотелось услышать этого вопроса. Наверное, он надеялся, что связь между младшими братьями прервалась. – Иди, отдыхай, скоро в поход.

Князь Андрей направился к своим дружинникам, которые уж разместились по избам. В одной из изб на краю города остановился и сам Андрей.

Хотел, было, лечь спать, да вдруг дверь отворилась, и на пороге появился князь Борис.

- Князь Андрей!

- Брате Борис!

Они обнялись. Сели на лавку.

- Эй! Хозяин, тащи снедь! Выпьем медку с братом.

- Ты что же, Андрей, у Ивана был, а меня мимо прошёл? Мои волокие полки рядом стоят.

- Не понравилось мне, как поглядел великий князь, когда я спросил у него про тебя.

- Так! – Борис нахмурил брови. – Замышляет про нас он недоброе!

- Ты как думаешь о нынешнем деле? О Новгороде-то?

- Прибратъ великий князь его хочет себе к рукам. Пусть поделит и нам.

- Пусть?! – С раздражением стукнул по столу Андрей Большой. – Уж поделил Дмитров-от! Только я не даром людей своих веду, платить за них будет он! – Андрей показал пальцем на дверь.

В чулане со страхом в глазах крестился хозяин избы, прислушиваясь к крамольным речам князей.

Ноября четвёртого дня стали подходить новые полки. Шли они по улице, облепленной со всех сторон народом.

- Эй, мужички, чьи будете? – Крикнул какой-то воин из толпы.

- Мы тверские. – Ответил весёлый всадник с разноцветным еловцом на островерхом шеломе. – А вы с каких мест?

- А тута всяких полно! Спроси лучше, кого нету, - ответить проще.

Девятнадцатого дня великий князь вызвал всех воевод и князей к себе:

- Послал я Феофилу опасную грамоту. Теперь брани не миновать! Вы должны знать каждый своё место в осаде Новгорода.

По плану наступления все войска должны были подойти к Новгороду, не разделяясь, так чтобы в случае вылазки горожан, нанести им решающий удар. Если же дело обернётся длительной осадой, то людей вполне доставало и для этого. Да ещё подойдут псковичи, и новгородцам вовсе не устоять.

Наконец, решено поднимать войска и двигаться на Новгород.

Долго ещё слышен был лязг уходивших полков. Крестились провожавшие их жители...

Собранные Иваном войска подошли к Новгороду. Двадцать третьего дня к Ивану Васильевичу вышла новгородская делегация. Среди посланников города были архиепископ Феофил, посадники, бояре, чёрные люди да купцы.

- О чём просить, владыка, идёшь? – Спросил, усмехаясь, великий князь.

- Опомнись, княже Иван Василич, замыслил ты воевать землю нашу, - голос Феофила срывался, - а правое ли это дело. Право ли дело, что меч твой и огонь ходит по земле Новгородской, и кровь невинная льётся?!

- А хорошо ли, владыка, воровать супротив меня?!

- Народ наш в обиде на тебя! За что бояр наших в Москву угнал прошлым летом?
 - Я в отчине своей за воровство наказываю. – Спокойно ответил Иван Васильевич.
 - Отчина твоя, а мужи в ней вольные! – Вперёд вышел посадник Лука Фёдоров. – Новугороцкая земля всегда вольной была! Посадники да архиепископ – вот суда вершители, а ты наших людей в Москве держишь! Пошто?!

Дня через два послы уехали назад, так и не добившись ничего.

Скоро подошла рать из Пскова. Новгород был окружён. Иван хотел взять его изгномом, но древние стены оказались крепки и неприступны. Как ни палили пушки, зажигая посады, новгородцы стояли прочно.

- Измором возьмём! – Сказал Иван, - Всё одно они в наших руках. Теперь ни одна вша не выползет из ворот ихних!

Правда, воины не хотели долгой осады, ведь припасов-то мало было да и зима уж наносу. Началось роптание. Воеводы, проходя мимо костров, часто слышали:

- Задумал же великий князь воевать на зиму...

- Помёрзнем здесь, в болотах!..

- Право слово! Спаси нас, Егорие!..

Четвёртого дня ноября месяца стали приходить новгородские послы.

Иван Васильевич вышел навстречу. Собрались воины. Иван обратился к новгородцам:

- Новугородцы! Склоните головы! Незачем нам воевати и кровь литии! Будем миром жити! Хотим государства на своей отчине в Великом Новгороде такого, как в Москве! И вечю колоколу в отчине нашей не быти!

Зашептали, заволновались новгородцы, но, видя силу государеву, смолкли.

Через несколько дней явился к Ивану Васильевичу князь новгородский Василий Васильевич Шуйский.

- Позволь, государь наш Иван Васильевич, всенародно признать власть твою на земле Новугороцкой! Прими поклон наш и воздай милость за грехи наши супротиву тебя! – Шуйский встал на колени перед великим князем.

Из городских ворот выехали запряжённые цугом²² лошади, таща на волокушах вечевой колокол – символ вековой новгородской вольницы.

Заговор

Октябрь лета 6988-го.²³ Углич. Князь Андрей Большой, обходя Кремль, осматривает строительство нового княжеского двора. За ним идёт дьяк Демидов.

- Хороши Палаты будут! Да, Митя! – Воскликнул князь.

- Верно, княже Андрей Василеч. Хоромы какие уж вымахали. Вон уж перекрытия осталось навести. А там, лета через три и поселиться уж можно.

- Дворец будет не хуже московского.

- Пожалуй, что.

- А тут ещё и церковь будет. – Указал Андрей Васильевич на место рядом около построенного фундамента княжьих палат. – Думаю ещё, Спасский собор приглашу расписывать Дионисия с учениками. Бунтарь он, да мастер великий. А чего нового, Митрий, в княжестве нашем?

- Да вот, княже, челобитная есть.

- Ну-ка, давай.

- Селяне Присек жалуются тебе, будто перевоз под Городцом, что ты установил, не сподручен.

- Аще установил, так и быть тому. И не им жалобиться! Ещё есть что? – Андрей был недоволен новостями.

**А.Кулагин. Угличский кремлёвский дворец при Андрее Большом.
Историко-музыкальный музей «Угличские звоны»**

- Новгородцы вновь поднялись. По слухам, владыка Феофил бояр мутит. Связался он с Литвой, с Казимиром. Супротиву государя замышляет.

- Откуда слухи такие? – Андрей явно заинтересовался.

- Надысь гость проплывал мимо Углича. От него и слухи.

- Тебе говорил?

- Нет. Слуга Образец где-то слышал. А тот уж мне.

- Отчего враз не сообщил? Ну, да ладно, паки дело неспешное...

Андрей Васильевич пошёл к себе. В горнице уж стол был накрыт. Семья его ожидала. Ел молча, думая об услышанном.

«Неуж-то Новогород опять поднялся! Час настал и наш. Настал! Попомнишь, брате Иван, все наши обиды! Не ценил ты нашу помощь, заслуги былые. Мы же страдали за тебя, паче нужного. Думал, брате, откупиться за новгородскую бойню от нас серебром. Богат подарок да душу не купишь. Теперь тебе отрыгнётся».

В это время вошёл дьяк.

- Андрей Василич, гонец из Волока Ламского.

- Зови сюда, скорей!

Вошёл гонец. Поклонившись, достал свёрнутую в трубку грамоту.

- Княже Андрей Василич, поклон тебе от князя Волоцкого Бориса Василича. Вот грамота его.

- Давай скорей! – Князь Андрей взял свиток, развернул.

«Поклон тебе, брате Андрее Василич, княже углецкий, звенигородский и бежецкий, княгине твоей Елене Романовне да чадам от Бориса Васильевича, князя Волоцкого и Ржевского. Пишу яз по случаю событий, творящихся на земле Русской.

Обиду держу на брата нашего, великого князя Ивана Василича. Сиречь притязания его на земли наших отчин несправедливы. Не хочет жить он по-братски с нами, а есть хочет один из ендовы,²⁴ забывая об отцовском велении миром всё решати промеж братьями.

Ищу встречи с тобою, паче великий князь в Новгороде...»

- Так! Убо²⁵ великий князь великий князь в Новгороде? – Спросил Андрей гонца.
- Так оно и есть, княже, князь Борис Василич передать велел, будто великий князь, рать московскую собрав, пошёл на поднявшихся новгородцев.
- Значит, слухи верные были, будто в Новгороде смута?
- Встал Новгород супротив Ивана.
- Тогда вот что: отдохни, а поутру скачи верхом в Волок Ламский к князю Борису с грамотой нашей.

Андрей Большой взял перо, стал думать, как лучше отписать брату о задуманном.

«Поклон тебе, брате Борис Василич, княже волоцкий и ржевский, княгине Улиане да сыну Фёдору со всей семьёй его, княгиней Марьей с чадами от брата твоего Андрея Большого, князя углицкого, звенигородского да бежицкого. Рад получить был вести от тебя. А вести хорошие. Опричь²⁶ всего радостно, что мысли наши и думы сходны. Жду гостем тебя с силою».

Наутро гонец уехал.

Князь Андрей не находил места, ведь задуманное дело было опасно, а когда находишься в неведении, то всякие мысли лезут в голову, что иногда страшно становится.

Около двух месяцев не было известий от Бориса Волоцкого. Неизвестно было, что творится в Новгороде и Москве. Неясно было, что предпринимать. Кругом одна неизвестность.

Как-то утром к князю прибежал запыхавшийся десятник:

- Княже, нонче прибеж с Улейминской обители Гришка Рваный – чернец, говорит, рать какая-то идёт на Углич!

Андрей даже встал со скамьи.

- Какая?.. – Еле вымолвил князь: если это ворог, то ведь город не готов принять удар. Да и кто же это, уж не московский ли князь вернулся? - Рать-то какая? Числом какая и хоругви, стяги чьи?

- Так ить, не знаю... - Растерялся десятник, увидя перемену в лице князя Андрея.

- Узнать! – Грозно воскликнул князь.

Когда десятник ушёл, Андрей задумался о случившемся, он долго ходил взад-вперёд. Станные догадки возникали в его уме.

- А может быть Борис идёт? Он, а кто же! – Рассуждал вслух князь. – А вдруг не дошёл гонец, и попала грамотка в Москву? Тогда Иван!

Андрей направился к двери, чтобы позвать кого-нибудь. Навстречу ему – гонец.

- Княже Андрей Василич, поклон тебе от князя Бориса Василича. Жди нонче с дружиною.

При этих словах тяжёлые мысли умчались прочь. Андрей Васильевич обнял гонца.

К вечеру прибыл князь Борис Волоцкий. Андрей Большой встретил дружину возле Никольских ворот.

- Брате Борис, рад видеть тебя гостем в Угличе.

Волоцкий князь слез с коня, передал поводья подбежавшему слуге.

- Так же рад! Рад!

- Ну, пойдём же ко мне! Пир по сему надобен!

Стол уж был собран. Князья сели рядом, а по обе стороны от них – их жёны Елена да Ульяна с детьми. Борис привёз в Углич всю семью.

- Хорошо, брате, что мысли наши едины! – Сказал Андрей. – Возьми же братину и выпьем мёду хмельного, что б дело наше праведное нами желаемое искончание получило.

На следующее утро Андрей Васильевич и Борис Васильевич вышли во двор.

- Смотри, княже Борис, какое дело я задумал. Новый дворец строю. Зело огромен будет, Ивану на удивленье.

Князь Борис оглядел грандиозные, стоящие в лесах новостройки и ответил, восхищённо обняв брата:

- Покуда нет ещё строения полного, да вижу, зело лепо²⁷ будет оно! Громадно размахом и причудливо очертанием да и крепко!

Они долго осматривали углицкий Кремль, наконец, заговорили о деле.

Яркое солнце серебрило белый хрустящий снег, ослеплявший своим блеском глаза. Деревья сказочными богатырями стояли, одетые в звенящий иней. Был хороший зимний денёк. Под ногами скрипело, а на князем строящемся дворе слышались удары топора и покрикивания работных людей.

- Эй, Прошка!

- Чаво?

- Ты куды, дьявол, бес треклятый, топор задевал?

- Эвон, торчит в стропилине-то.

- Подавай тесину-то. Да куды же ты, зараза!

- А куды жа?

- Ща яз те слезу и обухом покажу!

Князь Андрей усмехнулся брани старого мастера.

- Так вот, брате Борис, нет более мочи терпеть Ивановы дела супротиву нас. Всё за-был старейший брат. И казанских заслуг не помянул. Когда шёл яз Новгород, думал, благодарность будет от великого князя. А он всё забыл. Серебришком думал отделаться.

- Правда твоя, Андрей. Я мыслю, нечего нам больше с ним идти. Бысть должны по-старому: не гождь государь – иди от него.

- Вот сие и верно! С новгородцами надо связь держати да с Казимиром. Они таже не в силах терпеть Ивановых издевательств, они помогут.

Весь январь прошёл в подготовке углицкой рати, обдумывании плана войны против великого московского князя.

- Что делать, брате? – Спросил Борис Васильевич.

- Пора идти в Новугород. Потом будет поздно!

- Семьи надо попрятать. А в Угличе и Волоколамске не гоже им оставаться. Пусть во Ржеву едут.

- Верно, брате Борис, а мы их после заберём и – в Новугород.

Ханская басма

Последнее время вести из разных концов Московии шли крайне медленно. Казалось, жизнь на Руси будто затихла. И в этой тишине чувствовалось что-то смутно-тревожное.

Однажды в Москву приехали ханские посланники. Великий князь их принял, как и полагается, по-царски. В палатах толпились бояре, князья, дружинники.

- Великий княже, государь Иван Васильевич, дозвошь пригласить гонцов ордынского царя Ахмеда? – Произнёс глашатай.

- Зови.

Вошла группа богато наряженных татар. Они двигались к княжескому трону, кланяясь низко, по-восточному. При этом шапок послы не снимали, - у них такого не было принято. Ивана Васильевича это сильно гневило, но он не показывал виду.

Вперёд вышел один из татар.

- Велицы коназы, царь нас, Ахмед-хан, велыт за здравие тебе передать.

- Якши.²⁸ – Кивали остальные, одобряя его слова.

- Чем же мы обязаны Богу нашему за такое внимательное к нам отношение царя вашего? – Сказал с усмешкой Иван Васильевич.

На лицах татар при слове «вашего» выразилось недоумение и злоба.

- Цар, вельцы коназы, и нас и вас! Цар нас вельцы велыт тебе долги уплатыти. Басма царская вот, она говорит об сием. – Татарин протянул царскую грамоту.

Великий князь развернул басму. Там было написано, какую дань в это лето должна заплатить Русская земля Большой Орде. Иван некоторое время молчал, задумавшись.

- Земля Русская, - начал Иван Васильевич, - вольная земля! Никогда её не топтати ногам чужим, не бытии здесь вашим мытарям, татям!²⁹ Не дам дани, так и передайте вашему царю!

Иван Васильевич бросил басму на пол и растоптал её.

Татары схватились за сабли, что-то крича по-своему, стали рваться к великому князю, но князь и дружинники оттеснили их к дверям. Татары плевались под ноги, ругались, затем повернулись и пошли прочь.

В тронных палатах сначала стояло жуткое молчание, затем радостные восклицания нарушили тишину.

Иван Васильевич нервно ходил взад-вперёд, то опуская голову, то поднимая, вглядываясь в узкий проём окна на улицу.

Вошёл Геронтий, одетый в чёрную рясу, на шее большой серебряный крест.

- Как дела владыка, в нашем государстве? – Спросил великий князь, оборачиваясь к митрополиту. – Новостей нету никаких?

- Вестей много, все – с разных сторон.

- Ну и что там?

- Ливонцы, княже, на Псков пошли. Замыслили противу тебя брань.

- Рать московскую надо бы туда послать... - Отвечал Иван Васильевич, задумчиво глядя в окно. – Помочь надо псковичам... А братья мои, Андрей с Борисом, как? Что за мысли у них? Движения какие?

- Бунтуют князья... - Тихо произнёс Геронтий, перебирая пальцами звенья цепи, на которой висел тяжёлый крест. – Бунтуют... Рыскают с дружинами окрест, народ твоей отчины пугают... Многих городов горожане готовятся встретить их рати. А они не решаются брать те города отчего-то...

- Сил-то у них не так много, чтобы города мои брать. А где они сейчас, куда путь замышляют держати?

- Куда держат путь, неведомо, токмо знаем, будто в Ржеве нонче они.

- В Ржеве?... В Ржеве... В отчине своей, значит. Выдохлись! – В глазах Ивана Васильевича блеснул огонёк радости.

Ранняя весна 6988-го.³⁰ Вотчина Волоцкого князя Бориса Васильевича – город Ржева. На улицах толпами ходят углицкие и волоцкие воины, приехавшие сюда со своими князьями.

Вот идёт пещец в зелёном, выцветшем кафтане, чертя на талом снегу саблей след позади себя.

- Эй, Захарка, поди к нам! – Крикнул ему стоящий на крыльце хмельной воин в растёгнутом кафтане из добротной красной ткани. – Подь! И славная у хозяев бражка!

Захарка почесал за ухом, сдвинул красную шапку набекрень, махнул рукой и шагнул на крыльцо.

В избе сидели ещё двое. Захарка снял шапку, перекрестился на кивот.

- Доброго здоровья хозяину и хозяйке, да и вам, добры люди.

Эти двое служивых в зелёных кафтанах не были ему знакомы.

- Ты давай за стол! – Пробасил чернобородый, указывая замасленной рукой на скамейку. – Как кличут, говори.

- Захарий.

- Мой товарищ, углецкой он! – С гордостью добавил Тимофей(так звали того, который зазвал Захара в избу).

- А мы – Волоцкие. Я – Василей, а енто – Гринька. – Указал чернобородый на товарища, изрядно захмелевшего и постоянно ронявшего голову ему на плечо.

Отхлебнули из братины, потом ещё. Повели разговор.

- Ты видал, Захарка, хозяйошку здешнюю? Во баба! – Сказал Тишка, причмокивая языком.

- И впрямь хороша. – Кивнул Василий.

- А он у нас охочь до девок-от! – Засмеялся Тишка, указывая на опьяневшего Захара.

- Эй, хозяин! Хозяин! – Стукнул кулаком по столу Захарка.

- Чаво? Чаво тебе? – Спросил пришедший хозяин избы.

- Баба где твоя?

- А тебе пошто?

- А ты не спрашивай! – Захарка очумело смотрел на мужика.

Тот хотел, было, уйти, не связываясь с пьяными, но Захарка выхватил саблю.

- Жёнку vedi!

- Шалишь! – Прохрипел мужик, в руках его появился топор, который он мгновенно вытащил из-под печи. – Не пуцу!

Но подоспевший тут Тихон выбил топор из рук хозяина и ударом кулака в зубы свалил его с ног. Чернобородый Василий, ухватившись за край стола, опрокинул его на Захарку. Тот выронил саблю, упал, но, опомнившись, бросился с кулаками на чернобородого:

- Собака волоцкая! Сволочь!

Василий со всех сил ударил Захарку в переносицу.

- Я те покажу, не у себя дома, ща всем углецким надаём!

При этих словах подлетел Тишка и ударом тяжёлого кулака свалил с ног чернобородого.

Драка продолжалась бы долго и неизвестно, чем закончилась б, если бы не пришёл сотник, которого позвал хозяин.

- А ну, замолчь! Ишь размахались, как татарва последняя! Охлынь малость, я те помашу руками-то! – Разнимал он разъярившихся.

Андрей и Борис сидели в воеводской избе.

- Пора, княже Борис, идти к новгородцам, а то дела наши плохи будут.

- А тебе что не гоститься? – Усмехнулся князь Борис. – Гости! Сил набирайся.

- Не до ухмылок нонче да не до гощения! Рати наши ослабли в бражничестве да гулянье. Драки учиняют, ругань с горожанами. А сие к добру не приведёт. В таких гостях не токмо новых сил не наберёшь, а и старые порастеряешь. Вот так!

- Правда твоя, Андрей, надо в поход идти. В Новгороде наберём силушки – на Москву.

Через несколько дней двинулись дружины из Ржевы к Новгороду. На пути вдруг узнали, что восстание в Новгороде разбито московским войском, а архиепископа Феофила Иван III увёз в Москву, где заточил в Чудов монастырь. Планы у князей-повстанцев разрушились.

- Что же делать, брате Андрей? – Спросил в растерянности князь Борис.

Что делать, Андрей теперь тоже не знал. Он много думал, последние бессонные ночи отразились на его лице. Но старший брат видел, как во всём полагается на него Борис, как верит каждому его слову, поэтому он знал, что решение принимать надлежит только ему, угличскому князю, тем более, он и заварил всю эту кашу.

- Остаётся одно – ехать до Великих Лук, а там будем писать Казимиру.

Великий князь был взволнован происходящими на земле русской событиями. Он следил за действиями взбунтовавшихся братьев.

Однажды пришёл к Ивану Геронтий:

- Великий княже, последние вести принёс тебе.

- Какие же?

- Не знаю, назвать их как, хорошими либо плохими, тебе видней. Князя Андрей да Борис, выехав из Ржевы, до Новгорода не дошли, видно, узнали о твоей победе. Поехали в Великие Луки. Слух есть, будто связались со шляхтой да королём ихним Казимиром. А тот им Витебск дал и их семьям, чтоб от тебя укрыться.

- А ратных людей дал?

- Про то не слышно.

- Положение наше, владыка, нелёгкое.— Сказал, задумавшись, великий князь. — Я мыслю, к братьям послов слать надобно.

- Мир — дело благое. Шли, великий княже, послов.

Всю весну Иван Васильевич слал послов к мятежникам, но те на перемирие не шли, чувствуя слабость своего брата, - знали они, что московское войско ушло в Псков ливонцев воевать. Но тут ещё один удар поразил великого князя: на Оке стали появляться татарские отряды из Большой Орды. Князь Иван Васильевич велел вернуть московское войско. Когда оно пришло в Москву, великий князь вновь почувствовал силу.

- Теперь нечего слать посольных к смутьянам, сами попросятся, а мы ещё поглядим, дать милость либо нет! — Сказал он как-то Геронтию, на что митрополит ответил:

- Правда твоя, великий княже, нельзя узду правления ослаблять, не то конь понесёт, куда ему нужно. Ты хозяин. Токмо ежели всегда стегать его, он не возлюбит тебя, надобно и овсом попотчевать.

Июньским днём лета 6988-го донеслась дурная весть. К великому князю пришёл его московский наместник Иван Юрьевич Патрикеев:

- Государь, княже великий Иван Васильевич, плохие вести! Хан Ахмед идёт на Русь!

Великое стояние

Великий князь собрал воевод и князей.

- Вести дурные... Татары уж близко, до Оки дошли. Надобно рати собирать. Есть слухи, будто хан Ахмед хочет с королём Казимиром соединиться, чтоб Русь воевать. Тебе, Иван Юрьевич, - обратился он к Патрикееву, - готовить оборону Москвы. Все же воеводы должны крепить свои города для осады татарской. Рать нашу разделим на три части, кои стеною перегородят путь татарам к Москве. Первую рать поведёт князь Андрей Василич Меньшой Вологодский. Тебе, Андрей Василич, стоять в Тарусе. Вторую рать поведёт княжич Иван Иванович. Тебе за градом Серпуховом укрепиться. А третью рать я поведу и стоять буду в Коломне.

Вскоре русские войска двинулись из Москвы. К середине июня рати достигли назначенных мест и начали размещение.

Иван Васильевич приказал князю Даниилу Холмскому:

- Будь в помощниках у княжича Ивана Ивановича да смотри, чтоб зря под стрелы татарские не лез, береги его. Надежда большая у меня на тебя, князь.

Сам Иван Васильевич двадцать третьего дня направился в Коломну к войскам, которые вышли из Москвы заранее.

В это время хан Ахмед решил перейти Оку под городом Алексиным. Сюда подошла рать Андрея Васильевича Меньшого.

Лишь утро озарило землю первыми нежными лучами солнца, и рыба заиграла, подпрыгивая над водой и поблёскивая серебряной чешуёй, словно радуясь этой ранней свежести и предчувствуя дневную жару, на том берегу показались всадники в островерхах

шлемах, украшенных лисьей опушкой. Тут же подогнали плоты и кто вплавь, кто на ладьях или плотах, начали переправу.

Русские осыпали стрелами переправлявшийся отряд татар (многим уже удалось пробиться на левый берег), конница бросилась в бой. Словно гром среди бела дня ахнули пищали, поднимая фонтаны воды над рекой.

Те, кто оказался на берегу, были порублены или взяты в плен, а переправлявшимся не хватило решимости вступить в сражение. Они повернули назад.

Основных же сил татар не было видно. Хан Ахмед решил пойти в сторону Литвы, чтобы обогнуть Оку и встретиться с Казимиром. Иван Васильевич велел всем войскам идти к городу Кременцу, чтобы там, на реке Угре сдержать татарское войско.

Тридцатого дня сентября великий князь приехал в Москву, решив посоветоваться с боярами и духовенством.

Созван был высший совет, на котором присутствовали бояре, дядя Ивана Васильевича князь Михаил Андреевич Белозерский, наместник московский князь Иван Юрьевич Патрикеев, митрополит московский Геронтий, архиепископ ростовский Вассиан Рыло, мать великого князя Мария Ярославна, жена Софья Палеолог, сноха Елена Стефановна, а также дети боярские и игумены московских монастырей.

- Собрались мы нынче, чтоб обсудить действия наши. Татары на Угре встали супротив наших войск. – Начал Иван Васильевич. Вступать ли в брань или не вступать?

- Позволь, княже, - поднялся Геронтий, - ежели ты с войском своим не захочешь в брань сию вступить, то татары подойдут к Москве, разоряя отчины твои. Снова мы попадём в кабалу. Топтал ты ханскую басму? Топтал. Припомнит тебе сие Ахмед-хан!

- Вновь слёзы русские литься заставишь, ежели ты не пойдёшь на брань! – Воскликнул Вассиан (в этом седом старичке чувствовалась необычная сила, какой может обладать только одна правда, которой и посвятил всю свою жизнь ростовский архиепископ). – Иди. Не забывай, что хан Ахмед с королём Казимиром снюхался. Не допусти их встречи! А ежели допустишь, - не быть свободной Руси! Народ нонче весь поднялся, брани хочет. Твоё дело – с татарвой ненавистной покончить!

Слова Вассиана произвели огромное впечатление. Разгорелись жаркие споры. Большинство всё же решило в сражение не вступать, но быть наготове, ждать, покуда татары сами начнут наступление.

- Москву оборонять будут князя Михаил Андреич Белозерский да Иван Юрьич Патрикеев. – Сказал Иван Васильевич. – Сила у врага несметная, города надо укреплять на случай обороны. Вопрос у меня другой есть, куда великокняжью семью девать?

- Пушай едут ко мне в отчину, на Белоозеро. – Предложил Михаил Андреевич.

- Что же, пушай. – Ответил великий князь, но его перебил Вассиан:

- Государь, великий княже, не гоже так. Лучше бы, чтоб княгини в Москве оставались. Народу спокойнее.

На лицах княгинь отразились волнение и испуг.

- Ты вспомни, великий княже, когда прадед твой, Дмитрий Иванович, - поддержал Вассиан Геронтий, - оставил стольный град без княжения, сожжена и разорена была Москва.

- Дозволь сказать, великий княже, - встала мать Марья Ярославна (многие заметили, как волновалась старая княгиня, но её изрезанное морщинами лицо было полно достоинства), - я готова остаться и разделить все тяготы осады с народом нашим.

- Слава тебе, Марья Ярославна!

- Слава тебе, великая княгиня! – Зашумели восхищённые бояре и князья.

- А ещё, великий княже, сын мой Иван Василич, - продолжала Марья Ярославна, - прошу тебя, смиришься с князем Андреем да с князем Борисом. У них сила большая. Они тебе в помощь, а мне, матери, всё спокойнее.

А вечером отправил Иван Васильевич свою жену, княгиню Софью в Белоозеро. Её сопровождали бояре Тучков и Плещеев да дьяк Василий Долматов. На сохранность им была вверена и великокняжеская казна.

Псков

Оставив свои семьи во Ржеве, Андрей и Борис ринулись к Литве. На пути их встали Великие Луки. После короткой осады город сдался. Здесь, как и в Ржеве, Андрей послал несколько писем Казимиру Литовскому, но ответа так и не последовало.

- Ничего, подождём ещё месяц. – Сказал Андрей Борису.

Тем временем к Пскову подошли отряды немцев. Псковичи, узнав о скоплении русских войск в Великих Луках, посылали князьям послов, но ответы последних не предвещали ничего хорошего.

Войска стояли в нетерпении. По всему городу, бряцая железом, ходили приезжие воины, ржали кони под всадниками в кованых доспехах.

Андрей нервничал. Неужели Казимир предаст? Тогда рухнет всё. А ведь готовились столько времени к этому делу. Как же тогда поступать? Это для князя был неразрешимый вопрос.

По улице пронёсся лёгкий шум, топот скачущего коня сопровождался восклицаниями воинов. Андрей вышел из избы, вслед за ним – Борис. Навстречу во весь опор мчался всадник в тяжёлом вооружении: конь по-немецки закован в железо и прикрыт яркой разноцветной попоной, развевающейся на ветру; на высоком шлеме трепетал алый еловец, такой же, но большей величины привязан к копыту, на его полотнище золотом вышиты изображения двух всадников, едущих навстречу друг другу. По этому знаку Андрей узнал

Доспехи конца XV в. Историко-музыкальный музей «Угличские звоны»

своего гонца, посланного им несколько дней назад в Вильно к великому литовскому князю Казимиру. Не доезжая несколько шагов, конь резко остановился, всадник легко, несмотря на тяжесть брони, выпрыгнул из седла и стал на одно колено, молча склонив голову перед князьями. Андрей понял, что случилось непоправимое.

- Пошли в избу! – Приказал Андрей.

Гонец шагнул следом, пропустив вперёд себя Бориса.

- Челом бью, государи, князи Андрей Василич и Борис Василич! Пощадите голову мою – дурные вести привёз... - Переведя дух, продолжал гонец. - Князь Казимир велел слать вам по поклону, да ответ его был уклончив, не досуг де ему воевать с Иваном, а прежние разговоры просил забыть, хоть дружбу вашу, как и раньше, не отвергает, а семьи ваши зовёт в Витебск.

- И всё? Так и молвил? – Андрей гневно сверкнул очами.

Несколько дней угличский князь не выходил из своей избы. Приближённые вельможи, охрана, - все притихли, будто ожидая бури.

Вечером третьего дня Андрей вошёл в избу своего брата. Они долго, горячо беседовали. Порой до слуха отдохавших в сених воинов доносились нервные вскрики Андрея.

Поутру к Андреевой избе подъехал возок. Из него вышли люди, – то были московские посланники: архиепископ Вассиан, бояре Василий Фёдорович Образец и Василий Тучёк да дьяк Василий Момырёв.

- Поклон вам, государи-князи Андрей да Борис Василичи, от государя великого князя володимерьского и московского Ивана Василича. Велит государь передать вам сие послание и с ответом нам возвращаться, не мешкая. А реко³¹ так: «Возвратиться на свои отчины, и яз вас хочу жаловати, - дьяк оторвал глаза от грамоты, будто желая увидеть реакцию князей, - а даю тебе князю Андрею к твоей отчине и к матери нашей данью Колугу да Олексин».

Андрей схватил свиток и стал читать, нахмутив чёрные брови. Затем смял пергамент, сломав великокняжескую печать.

- Ступайте с Богом... - Проскрипел он зубами в сторону московских людей.

- Княже... - Заикнулись они, но взор бунтаря был страшен.

Андрей долго метался по избе, заложив руки за спину.

- Наутро в поход! – Объявил наконец он.

Чуть свет снялись с места. Шли быстрым маршем, нигде не останавливаясь.

На пригорке показались домишки какой-то псковской деревушки.

- Позволь, княже Андрей Василич, - подъехали дружинники, - в деревню заехать.

Он утвердительно кивнул. От войска отделился большой отряд. Вскоре послышался визг поросят, мычанье коров, бабий плач. Отряд возвращался, подгоняя перед собой скотину; несколько всадников скакали, перекинув поперек седла какие-то мешки.

- Что же ты, брате? – Спросил со страхом в глазах Борис, провожая взором направлявшихся к обозу угличан.

- Пушай! А то господа псковичи зажрались за великокняжеской трапезой. Небось почувшают теперь.

Две недели отряды рыскали по сёлам и весям, приближаясь к Пскову. Вскоре большая группа псковских бояр да посадских людей пришла в стан бунтовщиков.

- Челом бьём вам, государи! – Кланялись посланники из Пскова. – Слёзы льёт весь многострадальный Псков, молит вас пощадить. Немцы приходили, разорили всю землю Псковскую. Смягчите сердце, примите дары псковичей.

Андрей и Борис вышли из шатра. Неподалёку стояло несколько подвод доверху загруженных всяким добром. Князья подошли к ним. Среди лисьих, куньих, собольих мехов лежали горы медной, серебряной и золочёной посуды.

На следующий день угличские и волоцкие полки двинулись в сторону Твери.

Победа

Через три дня после Совета Иван Васильевич отправился в Кременец. В это время татары делали попытки перейти Угру. Река стала замерзать. Иван не знал, что думает предпринять Ахмед-хан.

Однажды, чуть забрезжил рассвет, в русском стане раздались крики:

- Татары!
- Идут!
- Гля, на тот берег!
- У-у! Сколько!

Степные кони, ломая тонкий прибрежный лёд, выбирали место переправы. В воздухе стояло страшное гиканье всадников, свистели острые стрелы. Описывая дугу над рекой, они со звоном и жужжаньем вонзались в берег, брёвна рубленых укреплений, построенных на русской стороне Угры.

- Эй, пушкари, подкиньте-ка огоньку гостям заморским! – Крикнул воевода, разъезжавший на белом коне среди русского стана.

Зерцала,³² надетые им по случаю приезда великого князя, сияли, будто солнце, перед глазами воинов. Бесстрашие командира вдохновляло защитников земли русской и бесило незваных пришельцев. Тучи стрел словно охотились за ним. Неожиданно одна из них пронзила плечо молодого князя.

- Братцы, воеводу убили! – Разнеслось по берегу.

У врагов поднялось ликование.

Смертельно раненого князя подхватили сильные руки его дружинников.

- Куда же ты, княже, под стрелы-то?... – Плакал старый слуга. – Что теперь скажу отцу-то твоему... Не уберёг...

Раздалось шипение и страшный грохот, будто гром прокатился по небу. Это русские пушки ударили по переправе. Ядра падали, ломая тонкий лёд и вздымая столбы холодной воды. Дикие вопли, предсмертные крики, ржание лошадей тонули в орудийном гуле.

Ахмед-хан посылал всё новые и новые отряды, но попытки переправиться через Угру оказались безрезультатными. Слишком мощный заслон был поставлен русскими.

Однако среди бояр началась смута. Они испугались начавшегося наступления татар.

- Иван Василич, государь, в Москву надо уходить. – Как-то втайне предложили бояре Мамон и Ощера. – Смотри, какая сила у Ахмеда, не одолеть нам! Аще Казимир придёт, тем паче трудов более будет. Зазря погибнем. Лучше отсидимся в Москве, уйдут татары, и раньше так бывало.

Великий князь начал сомневаться. Вскоре он вызвал к себе князя Холмского.

- Княже Данило, еду я в Москву совет держати, ты будь в помощниках у княжича Ивана Младого. Его во главу войска ставлю. Аще вызову его в Москву, ты езжай с ним же по перву зову. А ежели он не согласится, силой вези!

- Всё сделаю, как велишь, великий княже Иван Василич.

Иван снова отправился в Москву. Узнав о приезде великого князя, на посаде собралось множество народу; толпа перегородила путь Ивану в город.

- Пошто, великий князь, в Москву приехал? – Кричал возмущённый народ.

- К войску иди! Татар воевать.

- Пошто от брани бежишь, али страху навёл на тебя царь-то татарский?!

- Дани ему не платил, так нашу голову подставляешь под царёву саблю-то! Нас татарам продаёшь!

- Княгиню Софью верни в Москву!

- Да, Софья-то куда бежала?

- Княгиню верни!

- К рати иди! Татар воюй!

- Воюй, великий княже!

Князь сидел в своей повозке, не отвечая на выкрики. Испугавшись народного волнения, он всё-таки решил не ехать в Москву, остановившись в Красном селе.

Как-то в княжескую избу вошёл дьяк.

- Великий княже, грамота тебе от владыки, архиепископа ростовского Вассиана. – Объявил он, подавая перевязанную и опечатанную трубку.

- Ну-ка, дай.

Иван Васильевич развернул грамоту.

«Поклон тебе, велиции княже Иван Василич, пишет грамоту сию архиепископ ростовский Вассиан. Зачем, скажи, княже, отъехал ты с реки Угры от войска своего? Пошто рать покинул? Пошто в Москву пришёл, как бегун последний. Иди к рати любо кровь вся христианская падёт на тебе! А ты, выдав их, бежишь прочь, даже бою не дав татарам! Иди к рати!»

На следующий день пришло ещё одно письмо от Вассиана. Иван нервничал. Народные волнения и письма архиепископа не давали покоя великому князю. Иван Васильевич вызвал из Москвы Патрикеева:

- Иван Юрьич, Москву готовь, - приказал великий князь, - граждан Дмитрова отправь в Переславль. Да зажги московские посады, дабы татарам не достались.

Через две недели выехал князь Иван в Кременец. Там народу на удивление много. Видать, войска все свежие. И пеших, и конных, и пушкарей с пищальми в гривенку ядро да в полгивенки.³³ Народ шумит, ликует, радуется. По поляне гарцуют всадники, сверкая на солнце начищенными бехтерцами и колонтарями.³⁴ Да и само светило небесное, которого в это время не так уж часто можно увидеть, вышло, будто на радостях.

- Спроси-тка, - обратился Иван к своему охраннику, - откуда столько воев?

- Эй, - крикнул дружинник вслед идущему мимо полку, - чьи будете, братцы?

- Да тут всякие: и углецкие, и волоцкие, и ржевские, и устюжские.

И удивление, и радость охватили великого князя. Он торжествовал. Удалось-таки перетянуть «верёвку» на свою сторону в борьбе с братьями.

Как только приехал в расположение русских войск, первым делом нашёл князя Холмского.

- Ты что же, княже Данила, моего указа не выполнил? Вся моя надежда на тебя была. Что же ты княжича Ивана Ивановича не отослал в Москву и сам не приехал по моему зову?

- Помилуй, княже великий, государь наш Иван Васильевич, уговаривал я княжича молодого, а он не хотел ехать-то в Москву, говорил, лучше де умереть здесь, чем к отцу ехать под крыло. Вот так!

- Вот оно как! Ну, да ладно... Скажи, а что это вдруг углецкие да волоцкие полки объявились здесь?

- Так, великий княже, братья твои, князья Андрей да Борис, в помощь тебе пришли. Опомнились значит.

Иван Васильевич почувствовал великую силу, узнав о возвращении блудных братьев.

Из дальнейших военных действий было видно, что планы Ахмед-хана рухнули, чем он, видимо, был сильно огорчён. Перевес сил сложился явно не в его пользу. Да и Казимир не привёл свои войска.

Одиннадцатого дня ноября месяца лета русские с удивлением заметили, что татарский берег опустел. Дымились наскоро затушенные кострища, да собаки бегали, собирая остатки пищи.

- Братья! – Закричали в полках. – А ить бежали поганые!

- Спужались силы-то нашей!

- Ура-а-а!

Ахмед с Угры пошёл в степи, но предварительно повернул в сторону Литвы, решив отомстить своему союзнику-королю за его предательство. Говорили, будто много весей литовских погорело да пограблено было.

Колокол

Шумели на торгу толпы встречавших княжьи дружины, возвращавшиеся из далёкого похода. Отцы и матери, братья и сёстры, жёны и дети искали в строю своих воинов. Дружина въезжала в Кремль через Спасские ворота.

На крыльце огромного дворца, строительство которого шло к завершению, стояла княгиня Елена с сыновьями и дочерьми.

Радостью наполнилось сердце Андрея. Разве мог он подумать, что наконец-то кончатся скитания по чужим землям и вернутся они к родному порогу.

- Благословен Господь к нам, горожане мои родные, вновь мы вместе! – Обратился он к собравшимся. – Проходит время тревог и забот. Однако мы всем сумели показать, насколько силён град Углич. Ныне же не в брани, а в миру углублять силу свою должны мы. Трудитесь! А в честь благ, дарованных нам судьбой, велю на Преображенскую колокольню лить колокол большой. А мастера сами назовёте.

- Так Прошка с Мостовой!

- Прошка, нет литца лучше!

- А наш Ивашка с Конюшенной?

- Так ить он соплив ещё.

- Я те дам соплив!

В толпе началась перебранка.

- Прошку, княже Андрей Василич, зови Прошку – он знатный пищальник.

- Будь по-вашему. Литец, выдь ко мне.

Вышел седобородый здоровый детина. Литец поклонился на четыре стороны.

- Благодарствую, мир, за слово пред государем-князем.

- Ты, Прохор, с дьяком Демидовым согласуй нужды свои: кои матерьялы потребуешь, либо людей, - всё дам.

Началась кропотливая работа. Никого не подпускали княжьи люди к мастерской Прохора. Да и через Мостовую улицу проехать стало не просто – кругом Андреевы служилые. Чудное говорили про творившиеся вокруг дела. Слухами наполнился городской торг. Болтали, будто Парашка-бобылка, что возле Димитрия Солунского живёт, чёрта привечает. Надо бы проверить на колдовство. Но, услышав, что чернецы из Покровской обители подземный ход в город копают, Парашку вовсе забыли.

Однажды Прохор явился к князю Андрею (а тот приказал, чтобы мастера беспрепятственно пропускали к князю при нужде).

- Государь, княже Андрей Василич, челом бью тебе!

- Что привело тебя ко мне?

- Помощника прошу.

- Кого же хочешь?

- Ивашку с Конюшенной. Мастер он хороший. Дело знает, не смотри, что безус.

- А не боишься, Прохор, славу пополам делить? – Усмехнулся Андрей.

- Чтобы делить, её завоевать нужно. А потом, уж не в тех летах я.

Вскоре Иван занялся работой вместе с Прохором. Ему интересно было со старым мастером. Множество вопросов возникало у Ивана.

- Скажи, Прохор, есть поверье, будто серебро при литье глас колокола улучшает?

- Выдумки! Не вздумай добавлять, а то при охлаждении всё тело колокола изойдётся трещинами.

Два дня с рассвета до заката, подмастерья Федька да Онуфрий месили ногами глину в огромном ящике, просеивали её через сита, вновь месили. Ивашка тыкал пальцами в полувывающую массу.

- Густовато!

Подмастерья с полуслова понимали его. Глину обильно поливали лошадиной мочой. Снова месили.

Проход в это время готовил сплав: взвешивал медь да олово.

- Зришь, - объяснял он подошедшему молодому мастеру, - у каждого литца своя тайна есть. Я свою решил тебе передать. Детей у меня нет, а такое наследство в могилу грех уносить. Ты же парень толковый, тебе пригодится. Вот слушай: меди для литья колокола я беру семь-на-десять да ещё четыре доли, а олова шестнадцать долей. Наш колокол весить будет девятнадцать пудов. Значит, меди возьмём шестнадцать пудов тринадцать гривенков, а олова – три пуда семь гривенков.

- Мудрёно! – Восхитился Иван.

- Научись. Вот ежели пицаль лить замыслишь, там меди берётся девяносто долей, а олова – лишь десять.

- Отчего так?

- В пицальях сила неимоверная при стрельбе случается, потому и материал мягкий должен быть. Колокол – другое дело. Ему голос нужен, а из мягкого тела голоса не выбьешь.

На следующее утро Проход встал раньше других. Иван с подмастерьями спал на сеновале. «Измучились... - Ласково подумал старый мастер. – Нелёгко княжий заказ. Даже домой некогда наведаться. А впереди ещё труднее. Да только во сне дела не сдвинешь, надо будить».

- Эй, вставайте! – Тормошил он помощников. – Нынче калыбь³⁵ делать зачнём.

Продрав кулаками глаза и смочив лица из стоящей у порога бочки с водой, мужики вышли во двор, где намедни вырыли яму под форму. Посмотрели, не застыла ли больше нужного глина.

- Теперь, почитай, ночи три спать не придётся, – зевнув, произнёс Иван, – покуда опоку³⁶ не высушим.

- Федька, тащи кружало!³⁷ – Скомандовал мастер. – Да возьми в помощь Онуфрия, а не то пупок развяжется. – И со смехом обратился к Ивану. – Сам ты, паря молодой и подмастерье у тебя такой же. Горяч! М-да... - И после размышлений добавил. – Кружало-то хорошее, Митька-деревщик, что на Сенной улице живёт, делал. А мастер он что надо. Токмо, не дай Бог, ошибся...

Целые сутки лепили из глины форму. Кружалом подчищали стенки, подправляя их и доводя до нужных размеров. К утру сделано было всё: опока, стержни.³⁸ Проход сам ещё раз проверил точность изготовления.

- Можно сушить. – Произнёс мастер, вылезая из литейной ямы и вытирая пот. – Готовьте, братцы, дрова, а пока здесь солнышко поработает.

День тёплый разгорался. Из проходовой мастерской разливались по улице визг пилы да стук топора, - это Онуфрий с Фёдором дрова, привезённые намедни, заготавливали для сушки калыби и плавки металла. А в это время Иван с Проходом рядом с опокой клали плавильную печь. В этом деле Иван толк знал.

К вечеру дело было закончено. Решили немного передохнуть. От усталости свалились замертво и даже заметить не успели, как рассвет наступил.

Дальше, день перемешался с ночью. Всё сушили форму и печь. Длилась работа трое суток. Проход придирчиво постукивал по глиняным бокам опоки, проверяя, хорошо ли прокалилась. В конце третьих суток подмастерья и Иван легли отдыхать, а Проход остался следить, чтобы печь и опока не остыли. Иван сменил его в полночь. На рассвете, только петухи прокричали, Проход проснулся и разбудил Фёдора с Онуфрием.

- Будем готовиться к плавке! – Скомандовал мастер. – Разжигайте печь, костёр вокруг калыби раводите.

Мальчишки-прониры, всё разузнав откуда-то, раструбили по городу, что нынче Прохор колокол лить собирается. Народ сбегался к мастерской. Как грачи на заборе, на деревьях, на крышах домов понаседали.

В полдень печь накалилась. Засыпали металл. Стали ждать. Обедали на ходу. Прохор постоянно подбегал к печке, что-то шуровал внутри, затем недовольный отходил в сторону.

Под вечер сплав был готов.

- Льячку!³⁹ – Крикнул Прохор Ивану. – Да изложницу⁴⁰ тащи!

Иван всё исполнил. Льячкой старый литец достал немного расплавленного металла из печи и залил его в приготовленную изложницу. Подождали, покуда остынет, потом выбили слиток.

- Теперь, Ваня, расколи его на наковальне.

Прохор долго всматривался в излом расколотого слитка.

- Зришь, Ванюша, кусочки не велики и не малы. И то и другое плохо. Видать, получился сплав-от. Будем лить!

Перекрестившись, Прохор взял пробойник и пошёл к печи.

- Подальше отойдите! – Крикнул он подмастерьям. – А то не дай Бог.

Выбил снизу, у пода печи камень. Хлынула по лотку в калыбь струя горячего, жидкого металла. К тому времени уж совсем стемнело, поэтому огненная река, будто солнце, осветила всё вокруг. А в форме что-то бурлило, клокотало.

- Адское чрево! – Крестились люди, издав далеко наблюдавшие эту картину.

Три дня мастера ждали, как остынет опока. Потом решили её разбить. Долго перед этим Прохор молился. Глину били ломami, но осторожно, чтобы не повредить поверхность колокола.

- Глянь, Прохор. – Воскликнул Иван. – Уши! Целёхонькие!

- Цыц! – Мастер выругался. – Чего радуешься раньше времени.

Вскоре на солнце заблестели гладкие, будто золочёные бока колокола.

На соборной площади Кремля народу собралось – тьма. Ждали, когда, наконец, колокол привезут.

Послышался скрип колёс. Горожане помогали литцам везти их детище к князю. Кои подпирали телегу, кои просто бежали рядом. На крыльце дворца процессию встречали Андрей Васильевич, Елена Романовна с детьми да бояре.

Прохор вышел к князю, поклонился, неловко одёрнув новенький зелёный кафтан, кой надевал лишь в особых случаях:

- Государь, княже Андрей Василич, да ты государыня, княгиня Елена Романовна, дозвоьте молвить, что заказ ваш выполнили мы с Ивашкой. Княже Андрей Василич, изволь осмотреть колокол.

Андрей подошёл к творению мастеров, погладил колокол по блестящей ещё тёплой поверхности.

- Вестить ему о больших и малых делах!

Отец Паисий окропил колокол святой водой, осенив его крестным знаменем.

Князьи холопы подхватили колокол на верёвки, подтащили к колокольне.

Священники снова отслужили молебен.

А.В.Кулагин. Рождение Бунтаря. Историко-музыкальный музей «Угличские звоны»

Начали поднимать на перекинутых через балки верёвках. Вдруг колокол сорвался. Закрестился народ... Однако на землю не упал, - удержали.

- Не к добру... - Послышались причитания.

- Падать ему ещё раз...

Начало бед

В лето 6996-е⁴¹ Андрей Васильевич Большой с челядью гостил в Москве. В последние годы удельный князь часто пребывал в великокняжеских владениях. Приходилось решать разные спорные дела, заключать договоры со старшим братом. Кроме того, участвовал Андрей и в пышных приемах.

Однако последний приезд не был для угличского князя радостным, как впрочем, и многие предшествующие. Всё чаще и чаще испытывал он на себе гнетущие взгляды старшего брата и ехидные ухмылки великокняжеской челяди и вельмож.

«Не к добру всё это».- Не раз подумывалось Андрею. С недоверием слушал он льстивые речи Ивана во время пиров, а тот будто мёд разливал, но в глазах великого князя оставались колющие искорки злобы.

Несчастья преследовали Андрея. Второго апреля 6991-го⁴² умерла любимая жена Елена Романовна, перенесшая с ним многие невзгоды. А летом 6992-м⁴³ ушла из жизни мать Мария Ярославна, горячо любившая Андрея и неоднократно защищавшая его перед старшим братом. Наверное, только благодаря ей удавалось сдерживать порывы великого князя.

Однажды, поздним вечером, когда Андрей, явившись с очередного пиршества, готовился ко сну и вспоминал проведённое время (снеди было, как всегда, много; гости из неметчины подносили князьям богатые дары; самому Андрею удалось склонить некоторых

немцев к торговле с Угличским княжеством), в покои вбежал княжеский слуга Образец Синего Кобылин.

- Чего тебе? – Возмущённо спросил князь, досадуя, что его оторвали от мыслей. К тому же, Андрей недолго любил этого слугу. Князю было противно смотреть на его постоянно потеющий лоб, сгибающиеся в коленях ноги, слушать лстивые, липкие слова.

Вот и сейчас Образец вбежал на цыпочках, полусогнутый, теребя неловкими пальцами меховую шапку; волосы его слиплись от потоков пота.

«Зачем я его держу?» - Удивлялся сам себе Андрей, видя подобострастную улыбку на устах слуги.

- Не гневись, государь Андрей Василич! – Скороговоркой зашептал Образец. – Дело не терпит отложения.

- Говори, Образец – Приказал князь, хотя подумал: опять слуга за какой-то безделицей пришёл. – Только смотри, ежели узрю, будто даром красны речи речёшь, велю тебя розгами сечь!

- Господь с тобой, княже Андрей Василич! Нешто мне тебя без дела от дум отрывать надобно.

- Не томи речами пустыми!

- Ябедник есть один, княже.

- Что такое? – Не скрывая удивления, посмотрел Андрей на своего слугу.

- Государь, княже Андрей Василич! – Образец упал на колени. – Слов не вымолвить – страшно! Не вели казнить!

- Так говори же!

- Государь великий князь Иван Василич велит тя поимати...

- Врёшь, сука! – Андрей схватил сильной рукой слугу за воротник, сжал в кулак так, что затрещала материя, лицо же Образца посинело от удушья. – Откуда знаешь! Врёшь, собака! Не имеет брат на меня зла! – Сказал князь с дрожью в голосе, сам сомневаясь в своих словах.

- Помилуй, княже... - Задыхаясь, прохрипел Образец. – Я сам слышал... Мне слуга великого князя, Мунт Татищев тайно сообщил...

- Мунт, говоришь, Татищев?!.. – Повторил Андрей и оттолкнул слугу. – Иди...

Тот, пятясь, вышел из покоев.

Князь не мог найти себе места.

«Есть ведь правда-то в его словах... - Эта мысль не давала уснуть Андрею всю ночь. Думы металась в голове князя. – Бежать! Надо срочно бежать из Москвы!»

Ещё до петухов Андрей велел челяди собираться в путь. В покоях началась суматоха. В сборах прошёл весь день.

«Что делать?» - Всё ещё стоял вопрос перед Андреем.

Вдруг он сел на лавку, прислонился спиной к изразцовой печи.

- Эй, ты! – Окликнул пробежавшего мимо холопа. – Скажи-ка там, будто князь передумал ехать, пушай не собираются.

...Наутро Андрей Васильевич решил пойти к московскому наместнику.

Возле резного крыльца патрикеевского дома в пыли купались куры. Князь послал вперёд человека доложить, затем вошёл сам.

- Будь здрав, Иван Юрьич! – Снял шапку, сел на скамейку в углу, будто и не князь вовсе.

Патрикеев с семьёй ели.

- А! Заходи, княже, да вкуси с нами-то.

- Не, Иван Юрьич, незван гость – хуже татарина! Да и недосуг мне нонче, с делом пришёл, не праздно. Наедине сказать надобно.

- А ну, вытёте! – Строго приказал Патрикеев домочадцам; когда все вышли, добавил. – Ну, с чем пришёл, Андрей Василич?

После рассказа князя Андрея крепко задумался Патрикеев. Потом встал, медленно прошёлся по хоромам.

- Вот моё слово тебе, княже Андрей Василич. – Наконец ответил наместник, поглаживая седую бороду. – Не помощник я тебе в сием деле... Нет... Я вас всех пятерых с малолетства знаю. Помню, как отец ваш, умирая, наказывал жить в мире да согласии. А ты супротив старейшего брата пошёл, смуту затеял... Нет, не судья я вами...

- Так, значит! – Андрей резко встал, не кланяясь, подошёл к двери. – Значит, верны слова ябедника. И на том благодарствую тебе, Иван Юрьич, прощай!..

Одиноким почувствовал себя угличский князь в своей безысходности. Никто не хотел ему помочь. Новая ночь тяжестью легла на его плечи. Спать так и не ложился, лишь немного вздремнул, сидя на скамье у печи. Снился родной город, новый дворец, дети и жена-княгиня. От этого видения он резко проснулся. Не к добру сон: плохо, когда покойники снятся, да так, будто манят к себе.

Утром Андрей Васильевич оделся в новый красный кафтан, шитые золотом юфтьевые сапоги. Задумал идти прямо к великому князю.

Иван принял не сразу.

- С чем пожаловал, дорогой брат? – Удивлённо спросил Андрея.

Андрей рассказал всё, как было.

- Скажи, великий княже, государь Иван Василич, - Андрей взглянул прямо в глаза Ивану, - чем я тебе не угодил?

- Да Бог с тобой, брат Андрей! – Иван подошёл, обнял младшего брата. – Да как же мысли такие пришли к тебе? Клянусь, ничего не было. Клянусь небом и землею и Богом сильным, что того ни в душе у меня не бывало! А смутьяна Мунта велю сейчас же сечь на торгу и язык за дерзкие речи рвать! А позовите его сюда!

Привели Татищева. Был он весь бледный, перепуганный. Долго допрашивали.

- Помилуй, государь великий князь Иван Василич! Не было дерзких мыслей у меня! Сплоха пошутил да и только! – Оправдывался виновник.

- За шутки этикие и отрежут у ты язык.

- Позволь, государь, - вступился митрополит, - не гоже так судить. Пошутил Мунт, а Образец, слуга князя Андрея Васлича, превратил в серьёзное дело. Наказать-то надо, вели высечь, да ведь не своровал же он, ведь по-глупому! Не режь язык-то...

Иван согласился. Великокняжеского слугу выволокли на торг, где ждал палач. Там толпился народ. Виновника раздели, привязали к козлам. Свист кнута, вскрики наказуемого и сдержанный шёпот народа нарастали и с колокольным гулом поднимались над Красной площадью, Кремлём, Китай-городом и вырывались за пределы Москвы.

Погоре град Углич весь...

Лето 6999-е⁴⁴ было зное, засушливое. Шёл июнь месяц. Жара стояла страшная. Жито в полях, молодая поросль, - всё повыгорало. В лесах то и дело пожары случались. На болота ступить нельзя – кругом торф дымится, готовый вот-вот провалиться в страшную бездну. Путники, проезжавшие по тлеющей гати, крестясь, озирались на мёртвый лес.

Ночь также не радовала прохладой. Вот и сегодня люди ложились спать, мучаясь от непривычной для северного города духоты. Казалось, всё замерло. Даже собаки не лаяли, лениво разбредаясь по укромным местам.

Вдруг тревожный звон колокола на церкви Дмитрия Солунского разбудил горожан. За ним зазвонили в Алексеевском, Макарьевом, Воскресенском монастырях. Над городом стоял сплошной протяжный гул. Его покрывали отдельные мощные удары из Кремля, с Колокольни Преображенского собора.

Центр Углича в XV в. Макет. Историко-музыкальный музей «Угличские звоны»

Люди выбежали на улицу.

- Чего стряслось?

- Пожар!

Углич весь был озарён ярким пламенем. Горели посадки. Занимались деревянные стены монастырей. Огонь подходил к Кремлю, но там ему мешала вода, заполнявшая глубокий ров.

Кругом что-то трещало, падало. Со всех сторон доносились крики, стоны, детский плач.

К утру пламя разошлось ещё сильнее. Оно охватило весь город, перекинулось на Левую сторону, на тот берег. Остановить огонь было невозможно, тем более дул сильный ветер, из-за чего загорались всё новые и новые дворы. Теперь прихватило и Кремль.

На третий день пошёл дождь. Настоящий ливень. Воздуха не хватало. Стало невыносимо душно. Но пожар утих, правда кое-где ещё догорали головешки.

Андрей Васильевич шёл со свитой, обозревая пожарища. Это было страшное зрелище: на обуглившихся печинах сидели семьи погорельцев. Некоторые ковырялись в горели, выискивая остатки вещей. Плакали дети, размазывая ручонками грязь по щекам. Мужчины смотрели в сторону князя, почёсывая палёные бороды. Жуткое чувство охватывало при виде этих обездоленных людей – теперь им всё придётся начинать сначала.

Да! Что осталось от некогда цветущего, богатого города. Обиднее всего, что ведь это не орды татар, не какие-нибудь немцы разорили, сравнивали с землёй жилища людей. Огонь - хуже татарина!

Андрей направился в крепость. Кое-что здесь тоже погорело, но не слишком сильно. Обуглились кое-где кремлёвские стены, да некоторые дворы, что близ них стоят, прихватил огонь. Обгорела церковь Константина и Елены, да закоптился белый Преображенский собор. На этом фоне кружевные сооружения княжеского дворца выглядели одинокими, разряженными по-праздничному и нелепыми среди всеобщего бедствия. Ни одно из них сильно не пострадало во время пожара.

«Добротнo сделано!» - Радовался Андрей Васильевич, любуясь своим творением.

И вдруг, ему показалось: на крыльце, забросанном всякой горелью, стояла Елена Романовна; дочери прижимались к матери, только Ваня с Митей бегали вокруг палат, расчёкивая палками головешки.

Андрей Васильевич тряхнул головой, словно пытаясь отбросить лишние мысли, подзвал дьяка, всюду следовавшего за князем:

- Скажи, Митя, сколь велико сие пожарище?

- Велико, государь княже, велико... - Вздохнул Демидов. – Погоре град Углич весь, да за Волгою более пятисот дворов, да двенадцат церквей... Беда великая...

В сентябре месяце 7000-го⁴⁵ Андрей Васильевич опять отправился в Москву. После беды, случившейся прошлым летом, город начал оправляться, застраиваться. Снова заезжали купцы из других городов, да и угличские собирали свои струги в дальний путь. Нуж-

ны горожанам деньги. Кузнецы, кожевники, каменщики и другие мастера работали днём и ночью. Кругом росли свежеструганные строительные леса.

Настроение князя заметно поднималось, - его город воскресал из пепла, в нём кипела жизнь. Теперь можно было найти время покинуть его, чтобы съездить к старшему брату.

Московский князь встретил удельного неприветливо. Андрей долго ждал на своём дворе, пока вызовут к великому князю. На пиру, куда пригласили его только на следующий вечер, царили необычная тишина, сдержанные, напряжённые разговоры. У Андрея мелькали недобрые мысли. Он много пил, но не хмелел. Всё предвещало бурю.

Иван Васильевич сидел во главе стола, не ел ничего. Высокий, стройный, красивый лицом, он был хмур и задумчив.

- Повеселились, гости, - вдруг грозно промолвил великий князь, - пора и честь знать.

Все стали молча расходиться, кланяясь Ивану. Андрей неожиданно встретился взглядом со старшим братом и увидел в его глазах жажду мести, непреодолимое чувство злобы.

Этот взгляд не выходил из ума. Придя домой, Андрей Васильевич долго ходил по комнатам взад-вперёд, не зная, что делать, как быть. Челядь, видя плохое во взгляде князя, притаилась за дверями.

Неожиданно в горнице послышалась возня. Дверь распахнулась. Вошли бояре, князь. Впереди них - Семён Рязановский.

Князь Рязановский снял шапку, прослезился, потом произнёс:

- Государь князь Андрей Васильевич! Пойман ты Богом да государем великим князем Иваном Васильевичем всея Руси, братом твоим старшим.

Андрей побледнел, встал со скамьи, отвечая совершенно спокойно:

- Волен бог да государь, брат мой старший, князь великий Иван Васильевич; а суд мне с ним перед Богом, что берет меня невинно.

Но тут удельный князь опустил голову, ноги словно подкосились... Сел на скамью. Он хорошо понимал, что сейчас случилось. Конечно, Андрей давно ждал, что его арестуют. Были предчувствия, но не хотелось верить, что случится это именно здесь и именно сейчас и так нелепо. Ещё вчера, двадцатого числа сентября месяца, Андрею сообщили, что великий князь снял с себя крестное целование, поэтому сегодня, когда братья встретились взглядами, Андрей Васильевич понял неотвратимость беды. И вот беда пришла.

Андрей вспомнил разговор с Иваном, происшедший три года назад, как клялся старший брат, молил поверить ему. Какая же это была ложь! Но вот, наконец, открылось его истинное лицо.

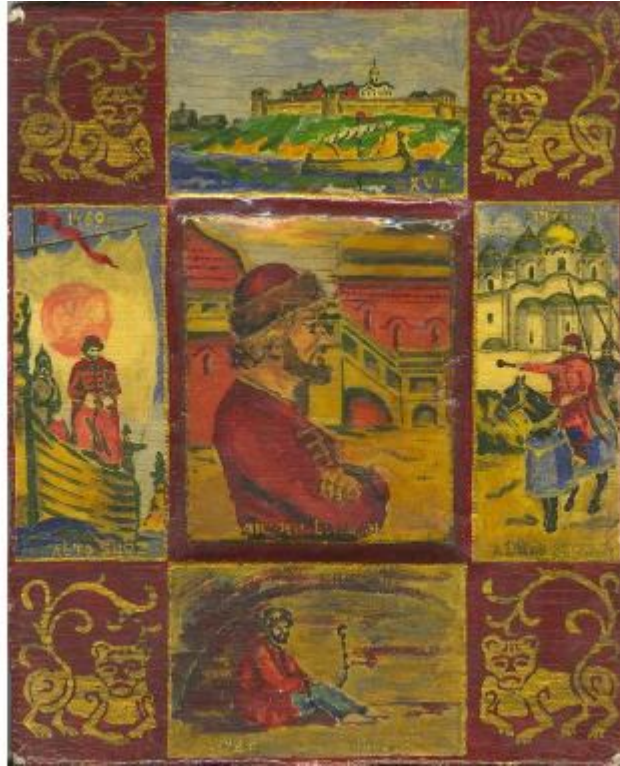
Андрея Васильевича заключили под стражу. До вечера он просидел во дворце. Вскоре стража, состоявшая из вооружённых князей и бояр, отвела угличского князя в Казённый двор.

Иван Васильевич был хмур. Он сидел, опершись щекой о ладонь, когда вошёл Рязановский с товарищами:

- Исполнили ли, бояре, мой указ?

- Да, государь, князь Андрей Васильевич заключён под стражу почётную на Казённом дворе...

- Почётную?! Заковать в железы! - Бледнея, промолвил Иван. - ...Вора - в железы!.. Вина его велика перед Москвией. Ить это он принимал целование с братьями меньшими Юрьем, Борисом да Андреем Василичами на меня, великого князя, на брата своего старейшего стояти соодно; грамоты в Литву засылал, к королю Казимиру, собирался с ними на великого князя; с Борисом отъезжал от меня, великого князя; посылал к Ахмату, Большой Орды царю, приводя его на Русскую землю ратию; на ордынского царя воеводы своею и силы не посылал, а всё то, чиня измену мне, преступя крестное целование. Велю заточить его в Переяславль... - Иван перевёл дух. - А нынче же отослать людей в Углич и чад его, Ивана да Димитрия, в железах же прислать Переяславль! Дочерей не трогайте... А княжеству Угличскому не бытии отныне...

А.В.Кулагин. Андрей Большой. Историко-музыкальный музей «Угличские звоны»

Из Москвы увозили Андрея ночью, закованного в цепи. Везли долго, в закрытой кибитке... Теперь он не отличал день от ночи, привыкнув к закрытому помещению, и не знал, когда всё это кончится.

Потом был каменный мешок. Холодный пол, стены, свод. Нельзя было стоять, нельзя сидеть. Андрей чувствовал, как мутится ум. Он уже ничего не понимал, только иногда, в моменты просветлений, вспоминал родной дом, огромный дворец. Сейчас дворец представлялся ему ещё больших размеров, чем, может быть, он был на самом деле. На крыльце стояли мать Мария Ярославна, жена, красавица Елена Романовна, окружённая детьми. Они, озарённые ярким солнечным светом, манили, звали Андрея за собой...

Примечания:

1. 1467 г.
2. 1469 г.
3. 1471 г.
4. 1325 г.
5. Манамах – Мономахов
6. десная – правая
7. гать – мощёная дорога на болоте либо просто проход через болото
8. 1475 г.
9. перлы – жемчуг, лалы – сапфиры, яхонты – рубины
10. ябедник – свидетель
11. орать – пахать землю
12. 1477 г.
13. забрало – выступающая часть крепостного сооружения
14. базилевс – император
15. 1473 г.
16. поприще – верста (750 сажен или 1323 метра)
17. прототип кивера появился ещё в XV веке
18. еловец – небольшой лоскуток материи на навершии шлема; у каждого полка был свой цвет еловцов
19. бехтерец – мелко пластинчатый доспех
20. рогатина – копьевидное оружие с лезвием более полуметра
21. куяк – пластинчатый доспех на кожаной основе
22. цугом – друг за другом
23. 1479 г.
24. ендова – большое блюдо, в котором готовили для всей семьи
25. убо – или, либо
26. опричь – кроме
27. зело лепо – очень красиво
28. якши – согласен
29. мытарь – сборщик дани, налога; тать – вор, грабитель
30. 1480 г.
31. реко – сказано
32. зеркало – богатый пластинчатый доспех
33. калибр пушек в то время измерялся в фунтах: гривенка – фунт(409,51 грамма), полгривенки-полфунта(204,755 грамма)
34. колонтарь – кожаный доспех, усиленный железными пластинами
35. калыбь – литейная форма
36. опока – основа формы, в данном случае, земляная яма
37. кружало – инструмент для обработки круглых поверхностей
38. стержни – детали формы, повторяющие полости изделия
39. льячка – приспособление для разлива металла
40. изложница – форма для пробной отливки
41. 1488 г.
42. 1483 г.
43. 1484 г.
44. 1491 г.
45. 1492 г.

Содержание

1462-й год	2
Паруса на горизонте	2
Казань	4
Свадьба	6
Знамение	7
Снова поход	10
Иван III – великий князь	11
Паисий	14
Покровская обитель	15
Кассиан	17
Господин Великий Новгород	19
Заговор	21
Ханская басма	24
Великое стояние	27
Псков	29
Победа	31
Колокол	33
Начало бед	36
Погоре град Углич весь...	38
Примечания	42

Угличский бунтарь. Кулагин А.В., Углич: Историко-музыкальный музей «Угличские звоны», 2005. – 44 с.; 14 ил.

Книга рассказывает об истории Руси в конце XV века, ставшего временем наивысшего расцвета города Углича, о нелёгкой судьбе самого деятельного угличского князя Андрея Большого.

29.07.2005

Историко-музыкальный музей «Угличские звоны». 152610. Россия. Ярославская обл., г.Углич,
ул.Бахарева, д. 27
Тел. (08532) 9-22-89
E-mail: UglitchZvon@mail.ru